

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ТРОЙНАЯ ЗАЧИСТКА

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Тройная зачистка

«Автор»

2003

Самаров С. В.

Тройная зачистка / С. В. Самаров — «Автор», 2003 — (Спецназ ГРУ)

В Москву тайно приехал чеченский полевой командир Руслан Салдуев, чтобы осуществить необычный теракт – распространить по столице крупную партию героина, зараженного ВИЧ-инфекцией. И еще у него есть один личный мотив. Он намерен уничтожить генерала спецназа, своего «кровника», устроив взрыв на его юбилее, на котором будет присутствовать все высшее командование. ФСБ в панике – ведь где скрывается террорист, никому не известно. И тогда изловить чеченца поручают сотруднику отдела по работе с национальными диаспорами Александру Басаргину. У него есть не только аналитические способности, но и свой коронный «авторский выстрел» – всегда на опережение, точно в лоб противнику...

© Самаров С. В., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Часть I	5
ГЛАВА 1	5
1	5
2	10
3	12
ГЛАВА 2	15
1	15
2	17
3	20
ГЛАВА 3	23
1	23
2	26
3	29
ГЛАВА 4	31
1	31
2	33
3	36
ГЛАВА 5	39
1	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Самаров

Тройная зачистка

Часть I

РАБОВЛАДЕЛЬЦЫ

ГЛАВА 1

1

В этот день обещали выдать «боевые» за командировку в Чечню, из которой он вернулся два с половиной месяца назад. И хотя вчера, после проведения операции, капитан Александр Басаргин домой вернулся только около трех ночи – подвезла дежурная машина прямо с места проведения – и вполне мог сегодня позволить себе отсыпаться до самого обеда, как разрешил всем участникам серьезного ночного мероприятия начальник отдела полковник Баранов, он предпочел отправиться в управление с утра. Хотя знал, что касса начинает выдавать деньги только после одиннадцати. Нетерпение...

Ну, пусть и не совсем с утра, не к половине девятого, как всегда, а минут на двадцать задержался. Спорили с женой относительно того, как деньги, еще не полученные, потратить. Александр мыслил по-мужски, хотел еще немножко подкопить и поменять машину на более приличную. Пусть на старенькую, но иномарку. Потому что иномарки, даже старенькие, могут дать солидную фору новеньким «жучкам» и уж тем более изношенным «Москвичам». Александру же хотелось съездить в мужнин отпуск за границу. Мечтой о Японии она жила давно, а совсем вот недавно нашла где-то рекламное объявление туристической фирмы. Туристические фирмы поездками в Японию народ не балуют, потому что удовольствие это дорогое, Токио – вообще самый дорогой город мира, и желающих такие поездки совершить немного.

Так и не разрешив спора, он собрался уже выходить, когда зазвонил телефон.

– Тебя... – сказала Александра, взяв трубку. – Голос узнала – Баранов.

– Здравия желаю, товарищ полковник, – сразу поздоровался Александр.

– Саша, извини, что беспокою после бурной ночи. Я помню, помню, что сам разрешил отоспаться... Только тут с тобой один человек желает поговорить. Бывший наш сотрудник, а сейчас... Короче, приезжай... Неудобно солидного человека долго держать.

– Еду, Сергей Иванович. Я уже одет.

Кто мог ждать его в кабинете полковника, какой бывший сотрудник, Басаргин не знал. Мог только предположить. Недавно заходил разговор о том, чтобы провести какую-то встречу нынешних сотрудников, вернувшихся из Чечни, с ветеранами. Должно быть, вопрос в этом.

Он кивнул жене на прощание приветливо, словно и не обиделся совсем из-за спора, чуть не переросшего в ссору. Ссоры в их семейной жизни тоже не редкость, но это только издержки темпераментов, потому что семейной жизнью оба они довольны. Жена – художник, работающий в японской манере – цветной тушью кистью по шелку. Для нее, конечно, поездка в Японию значит много – это изучение символики, традиций, вхождение в мир образов, как она выражается, и вообще большой творческий толчок. А для него машина – рабочий инструмент, который, если подведет в критический момент, может стоить жизни и самому, и другим. Он бы не возражал, пожелай она поехать на деньги, которые получила после выставки, когда удалось

за приличную цену продать несколько картин для элитного японского ресторана. Но тогда она предпочла потратить их на мастерскую.

– Сам же говорил: тебя уже тошнит от запаха туши...

Аргумент стопроцентный. Жить все-таки хотелось в квартире, а не в мастерской, и он часто говорил ей об этом, намекая, что творческий беспорядок, сплюсованный с теснотой, не всегда создает уют. А уж про запах и говорить не стоит. Японская тушь спиртовая. Домой возвращаешься, словно в грязную забегаловку. И пахнет почему-то не спиртом, а прокисшим пивом и мокрыми гнилыми тряпками. Александра объясняла, что это от колерных клеевых добавок.

Александр вышел. Александра закрыла дверь. Слышно было, как провернулись два оборота ключа. Кнопка лифта обидно не загорелась. Лифт опять не работает. С пятнадцатого этажа пешком спуститься нетрудно. Вот подниматься бывает не всегда приятно. И часто случается, что, сломавшись утром, лифт и вечером не функционирует.

Капитан пошел пешком.

«Вот так и работают киллеры... – продумался классический вариант. – Заклинивают дверь лифта на верхнем этаже и ждут жертву на лестнице».

Он спустился на два этажа, повернул с очередной площадки на лестницу и увидел на следующей площадке, между этажами, рядом с трубой мусоропровода чернявого молодого человека. Незнакомого.

«А вот и киллер...» – усмехнулся Басаргин своим мыслям.

И тут же поймал взгляд чернявого. Тот отвел глаза почти испуганно. Так испуганно, что оперативника ФСБ это не могло не насторожить. Игра глаз – это целая наука, которую должен знать всякий человек, делающий аналогичную с Александром работу. И сейчас это знание помогло ему не оставить без внимания появление в подъезде чужака.

Александр почувствовал нечто...

И сразу, без ненужной траты времени на раздумья, потому что в жизни немало ситуаций, когда этого времени просто не бывает отпущено, стал прикидывать, как вести себя в этом случае, даже не будучи уверен в своих подозрениях.

Конечно, удачно, что ночью подвезли до дома сразу с операции. Не успел пистолет в сейф положить. Хотя обычно домой его не берет. Дома два сорванца, близнецы-сыновья, быстро доберутся до оружия, стоит только отвернуться. Сейчас сыновья на даче у бабушки в Ленинградской области. И пистолет можно носить с собой. Но привычка работала, и Басаргин предпочитал держать его всегда в рабочем сейфе.

Помогла случайность.

Он за секунды, которые ушли на преодоление ступеней, успел вспомнить свое вчерашнее поведение. Затвор передергивал, досылал патрон в патронник. Значит, стоит только опустить предохранитель, и можно стрелять.

На повороте Александр задел чернявого локтем, хотя мог бы и не задеть.

– Извините, – сказал с короткой, ничего не значащей улыбкой.

Чернявый вынужденно посторонился. Но именно для этого-то капитан и задевал его. Посторонился парень не в ту сторону, в которую ему было бы удобнее и естественнее. Если бы в ту, он откинул бы полу пиджака с левой стороны. А он не хотел ее откидывать. Значит, есть причины не откидывать. Что может быть под полой пиджака? Подмышечную кобуру Александр уже рассмотрел бы. Она всегда стягивает плечо, и это видно даже под пиджаком. Но стандартная подмышечная кобура не приспособлена для пистолета с глушителем. А в подъезде будут применять только такой. Пистолет с глушителем удобнее засунуть за пояс и спрятать под полой пиджака. Опять же, Басаргин сразу отметил, что поясной ремень парня стягивает туго. Это усилило подозрение, что под ремень что-то припрятано. И еще это значит, что могут быть проблемы с доставанием оружия. Глушитель имеет обыкновение цепляться и за кобуру,

и за ремень, если только кобура не специальная, какая бывает, например, у профессиональных ликвидаторов.

Все это сразу созрело в голове. Такие мысли не думаются. Они пролетают за малые доли секунды искрами, мини-молниями, разрядами электрического тока, представляя уже готовыми формами, выводами. И Басаргин повернул на следующую лестницу, подставляя спину человеку, в котором заподозрил киллера.

Конечно, это опасно. Но только такой поворот позволил неприметно для постороннего глаза засунуть руку себе под мышку, обхватывая ладонью рукоятку пистолета, отстегнуть большим пальцем клапан и одновременно положить его на предохранитель. И только после этого с любопытством посмотреть через плечо. Обязательно через левое. Так удобнее стрелять, меньше тратится времени на подготовку, потому что уже небольшой доворот корпуса сам по себе освобождает оружие из кобуры.

Интуиция не подвела, не подвели и другие наблюдения, схваченные целиком и позволившие сделать правильный вывод. Чернявый доставал из-за пояса пистолет с глушителем, глушитель, естественно, цеплялся, хотя и неосновательно. Но рука парня не успела еще поднять ствол, когда Александр выстрелил с уровня груди.

Он умел стрелять с любого уровня. Но поднимать оружие до уровня глаз доводится далеко не всегда. С уровня глаз стреляют, как правило, по удаляющейся мишени. Для предельной быстроты выстрела требуется наименьшая траектория движения руки с пистолетом. Это теория, прочно вошедшая в практику.

Пуля попала чернявому прямо в середину лба. Колени подогнулись, голова откинулась, словно надломилась шея, и парень упал назад, так и оставив ноги подогнутыми.

Капитан вздохнул, помедлил секунду, прислушиваясь к звукам в подъезде, и, достав сотовый телефон, набрал номер.

– Товарищ полковник, это Басаргин. Меня сейчас в подъезде пытались застрелить.

– И что? – голос Сергея Ивановича встревожен.

– Кажется, я еще жив... Я стрелял на опережение.

– Высылаю бригаду. И... – он несколько секунд помолчал, очевидно, с кем-то разговаривая, зажав микрофон рукой. – И сами сейчас подъедем...

Кто «сами», почему во множественном числе – не уточнил...

* * *

Захлопали, стали открываться двери на всех верхних и на ближайших нижних этажах. Выстрел в узком пространстве звучит громом, грохнувшим над подушкой. Но не сразу появились любопытные лица. Подъезд ждал, затаившись, что произойдет дальше. Крик, зов, просьба о помощи, новый выстрел – это и будет развитием событий. Послышалось только быстрое знакомое шлепанье тапочек по ступеням. На выстрел спешила Александра. Торопилась, испуганная. Понимала, что только вот закрыла за мужем дверь. И если прозвучал выстрел, то муж ее должен быть там.

Из-за поворота, с тринадцатого этажа, она увидела чернявого. И остановилась.

– Я здесь, Саня, все в порядке... – глухо сказал Александр со следующей лестницы.

Она пробежала еще пролет, на несколько секунд остановилась рядом с трупом, всматриваясь в него, потом боком проскользнула рядом с перилами, словно боялась приблизиться к убитому, до которого было добрых полтора метра, и каким-то скользящим движением шмыгнула, чуть не прыгнула к мужу с верхних ступеней, прильнув к его плечу.

– Кто это?

– А я знаю? – вопросом на вопрос ответил он и не добавил привычное в своем лексиконе: «В Одессе так говорят». Сейчас не до шуток, хотя шуткой можно было бы жену подбодрить.

Услышав разговор, достаточно негромкий, но не услышав ни криков, ни новых выстрелов, соседи стали выходить. Сначала выглядывали из-за дверей, потом из-за углов. Потом стали собираться на лестнице, недалеко от трупа.

Говорили шепотом, посматривая на Басаргина. Соседи знали, конечно же, что он капитан ФСБ. И не понимали, что случилось.

Александр отстранил жену и шагнул на несколько ступенек вверх.

– Не подходите близко. Здесь могут быть следы, улики... Сейчас следственная бригада приедет. Кто-нибудь проходил здесь недавно? Видел этого человека?

– Господи, да что же это делается... – единственно прозвучало в ответ на вопросы.

– Где-то на верхних этажах заблокированы двери лифта. Не трогайте блокировку, – громко распорядился Басаргин. – Это улика, необходимая следствию.

– Может, «Скорую» вызвать? – спросил кто-то.

– Труповозку, а не «Скорую», – усмехнулся солидный немолодой голос.

Уверенные команды выводили людей из растерянности. Спустился Юра Соснович, сосед с семнадцатого этажа, фотограф-репортер, с неизменным кофром на плече. Ему на работу пора. Всегда минуты на деньги считает. Однажды застрял на три часа в лифте и на весь подъезд кричал, считал, сколько он денег потерял за это время. Над трупом наклонился, всмотрелся, покачал головой:

– Я вчера его видел. Вечером, часов в восемь. Около подъезда стоял. С ним еще один был. Маленький такой, зашуганный.

– Не ошибся?

– Стари-ик... У меня глаз – сам понимаешь, профессиональный. Я лица никогда не путаю. Взгляну раз – через пять лет узнаю и вспомню: где и с кем видел, и когда, и сколько он мне остался должен.

– Показания дашь, – распорядился капитан.

– Ну, ты даешь... Мне на работу надо. Буду я тут ваших ждать... Пусть вечером домой ко мне заскочат. Я в семь сегодня возвращаюсь. Со съемки. Ладно, я полетел...

– Второго описать сможешь?

– Без проблем... У меня в лаборатории программка стоит – фоторобот. Время будет, к вечеру сделаю портрет. Сам, без вас...

– Договорились.

И он прошмыгнул мимо Александра с Александрой. Скрип тяжелых башмаков удалялся, но одновременно слышался стук другой обуви. Несколько человек, шумно переводя дыхание, поднимались.

Прибыла наконец-то следственная бригада.

– Что здесь?.. – не поздоровавшись, спросил энергичный следователь майор Лысцов. – Граждане, граждане дорогие, попрошу не мешать следствию. Разойдитесь. Мы обойдем все квартиры и с каждым поговорим отдельно. Обязательно. И с вами, бабушка, и с вами тоже, я лично поговорю. Разойдитесь, вы так шумно смотрите... Лифт проверил? – спросил у Александра.

– Не успел, – ответил Басаргин. – Наверное, заблокированы двери.

Обычно это делается просто. Приезжают на верхний этаж с заранее заготовленным клином. Дверь открывается, вставляется клин, и лифт вышел из строя до тех пор, пока клин не вытащат.

Лысцов кивнул одному из своей группы. Тот, сообразив, тяжело вздохнул и зашпешил выше. Через пару минут раздался звук ожесточенно хлопнувших дверей, и лифт двинулся вниз, повинувшись отложившемуся в памяти вызову.

Последними, не дождавшись лифта, поднялись полковник Баранов и с ним какой-то человек в светлом костюме. Полковник, проходя мимо, мягко положил руку Александру на плечо, то ли опираясь на него, то ли поддерживая таким жестом. Склонился над трупом:

– Точно в лоб. Авторский выстрел... Когда меня так стрелять научишь?..

Александр не ответил. Он не любил разговоров о своей стрельбе, хотя знал, что стреляет из пистолета лучше всех в управлении. И никогда не рассказывал об этом жене, не говорил, что ему доводилось стрелять в людей, кроме первого случая, когда на него наводились два автоматных ствола, а он стрелял, как и сегодня, на опережение – в лоб. Вечером того дня, чтобы расслабиться и сбросить стресс, выпил граммов двести коньяку. Язык слегка распустил. Рассказал. Но случай этот застрял в памяти не у него, а у нее. И Александра долго размышляла над вопросом, который ее мужа совсем не волновал:

– Как же так?.. Создал бог человека для каких-то дел по образу и подобию своему. Сотворил человека... Для чего он его сотворил? Чтобы и тот, в свою очередь, тоже творил... Потому что – по образу и подобию... Бог творца создал, подобного себе, маленькую такую свою голограммку... А люди, вместо того чтобы творить, просто убивают друг друга. И это становится таким обыденным, что просто растерянность чувствуешь, гибель чувствуешь...

Чью гибель, она не уточнила.

– Такова жизнь. Или ты – или тебя...

– Это – глупость, это – Энгельс... В жизни все не так должно быть...

– Ребята, давайте жить дружно... – голосом кота Леопольда произнес тогда Басаргин и добавил: – Тебе было бы легче, если бы застрелили меня?

– Что ты глупости говоришь... Я совсем не о том... Как ты можешь вообще так говорить...

– А я о том. Служба у меня такая, где иногда стреляют. Я к этой службе с детства шел, я этой службе учился и научился. И ничего другого не умею. Вот и служу...

– Убиваешь? – Она начала заводится и стала специально утрировать понятия.

– Моя служба состоит не в том, чтобы убивать, а в том, чтобы защищать. И тебя в том числе. И сыновей наших. И соседей. Но если уж на то пошло, то и себя тоже. И здесь твой Энгельс подходит в самый раз.

– Энгельс не мой.

– Не в этом дело. Дело в том, что в данном конкретном случае он прав.

Сейчас убитый мужем человек лежит здесь же, в подъезде, перед Александрой. Она еще не осознала, наверное, этого, потому что испуг за мужа переборол остальные чувства. Никто ведь не побежал по лестнице на выстрел. Она побежала. А если бы Басаргин не успел? А если бы он не распознал, не прочувствовал во взгляде этого чернявого парня испуг и подлость? Тогда следующий выстрел достался бы Александре. Свидетелей киллеры предпочитают не оставлять.

Бригада делала свое дело молча и сосредоточенно. Никто не давал указаний специалистам, потому что указания специалистам не нужны. Полковник вернулся к Басаргиным:

– Как ты, Санька?

– Страшно... – только и ответила она.

Александр видел, как у жены расширились зрачки. Верный признак сильнейшего стресса, который может перейти в затянувшийся. Полковник тоже это состояние знал.

– Да... – он вздохнул и резко выдохнул, словно к чему-то серьезному приготовился. – Надо бы, Саша, в управление проехать, но тебе сейчас, мне кажется, жену лучше одну не оставлять. Пойдем в квартиру, там поговорим накоротке.

– Может, в квартире даже и лучше... – сказал человек в штатском, и капитан понял, что именно на встречу с этим человеком приглашал его полковник утренним звонком.

Александр взял жену под локоть, направляя, но не подталкивая. Лифт вызывать не стали. Два этажа подняться. Дольше сам лифт ждать. Тапочки Александры громко шлепали по сту-

пенькам в наступившей вдруг тишине. Это показалось странным Басаргину, потому что такой тишины в подъезде не бывает даже тогда, когда один идешь. Тогда из разных квартир разные звуки доносятся, телевизоры и швейные машинки и прочее... Сейчас все квартиры притихли. Соседи все еще выглядывали из приоткрытых дверей, но не открыто. Стояли где-то в темноте и прислушивались.

Прошли мимо трупа. Дальше Александра сама стала двигаться быстрее, словно стреми-лась скрыться за металлической дверью от подъездного ужаса.

За ними двинулись полковник и приглашенный полковником человек в штатском.

2

Они зашли в квартиру, оставив дверь приоткрытой на случай, если что-то понадобится спросить спецам из следственной бригады.

– Коньяк у тебя есть? – спросил полковник.

– Есть, – Александр кивнул, достал из бара в старом серванте черную бутылку армянского «Карса» и четыре пузатые рюмки из граненого хрусталя, подсвеченного матовой зеленью.

– Нам не надо, – усмехнулся полковник, – не пытайся подкупить следствие даже «Карсом». Я понимаю твое состояние. Сане налей и сам выпей. Только немного, потому что нам предстоит еще один вопрос решить. Вот, познакомься, – показал Баранов на человека, которого привел в дом. – Некогда мой прямой руководитель, был он тогда полковником КГБ, но его Андропов «продал», и теперь, кажется, он называется... Как ты, Станислав Сергеевич, называешься?

– Теперь я называюсь комиссаром.

– Вот-вот, комиссаром, только большевистские красные портянки не носит...

Александра взяла рюмку, налитую мужем, поймала его взгляд и вышла в соседнюю комнату. Она всегда была деликатной и уходила, когда понимала, что разговору мужчин может помешать. Круг общения у Александра в основном служебный. И не все разговоры положено слушать посторонним.

– Станислав Сергеевич Костромин, – повторил гость. – Комиссар Интерпола, руковожу новым в нашем ведомстве сектором «С» по борьбе с международным терроризмом.

– Капитан Басаргин, – ответно представился Александр, вытянувшись по стойке «смирно», как и положено капитану перед двумя начальниками во время представления.

– А я бы выпил рюмочку... – сказал комиссар.

Капитан налил ему, посмотрел на Баранова, налил и полковнику.

– Но у вас же, товарищ комиссар... Извините, господин комиссар...

– Ничего, все ваши офицеры еще не привыкли, в том числе и ваш непосредственный начальник... Это я привык к тому, простите за каламбур, что вы не привыкли. Продолжайте...

– У вас же давно существует антитеррористический отдел. Я помню, готовил сам материалы для вас по Карлосу¹. Он тогда приезжал в Москву, но мы об этом узнали только на следующий день после его отъезда. И проходила информация по нашему отделу, потому что он встречался с чеченской диаспорой. Правда, тогда разговор шел не о терроризме, а о наркоторговле.

– Есть такой отдел. Вернее, он называется у нас подотдел. Еще в восемьдесят пятом был создан. Занимался сначала только борьбой с угонщиками самолетов, незаконной торговлей оружием и взрывчатыми веществами, морским пиратством и попытками нелегального оборота оружия массового поражения. Чуть позже начал более широко действовать. Против людей,

---

¹ Ильич Рамирес Санчес – крупный террорист последней трети XX века, известен под кличками «Карлос» и «Шакал». Арестован Интерполом совместно со спецслужбами Франции и осужден во Франции на пожизненное заключение в середине девяностых годов.

типа Карлоса. А сегодня назревает несколько иная ситуация, и создан наш сектор. Особый сектор, хотя во многом спорный и экспериментальный.

– И чем он занимается?

– А вот об этом я имею право рассказать только человеку, который согласится с нами сотрудничать.

Басаргин посмотрел на полковника Баранова. Тот любовался коньяком в рюмке и глаз не мог оторвать от игры напитка в лучах солнца, пробивающегося сквозь легкие шторы.

– Я так понимаю, что мне делается конкретное предложение?

Баранов прокашлялся:

– Вот что, Саша... Интерпол запрашивал нас еще четыре месяца назад. Тогда рассматривалось восемнадцать кандидатур. Устроили маленький конкурс. Ты в списке оказался первым... Хотя был там единственным капитаном. Остальные – два майора, два подполковника и полковники. Уж не обижайся на меня – сам виноват, я тут ни при чем. Умываю, как говорится, руки...

– Новая работа будет проходить...

– Нам нужен человек для создания новой службы в России. Хотя работа предвидится, возможно, по всему миру. По крайней мере, по ближайшим к России странам, это несомненно. Ну и, естественно, предстоят частые поездки в нашу штаб-квартиру в Лион².

– Но ведь у нас есть НЦБ³... Разве оно...

– Нет. Оно работает само по себе. НЦБ слишком на виду у всех, чтобы делать то, что делаем мы. Я даже не появляюсь там, когда приезжаю в Москву, чтобы не «засветиться». Впрочем, сотрудники НЦБ знают меня как бывшего комиссара сектора по борьбе с наркотиками. В этой должности я Россию посещал и проводил операции на Урале и на Дальнем Востоке.

– Я так и не понял, чем будет отличаться новое подразделение от НЦБ.

– Я о том и веду речь, что смогу рассказать это только своему новому сотруднику, – комиссар улыбнулся. – Единственное, могу сообщить, что новая работа будет напрямую связана с вашей нынешней деятельностью. Тот же профиль, только под другим углом зрения...

А капитан просто растерялся. Предложение поступило слишком неожиданно. Он не планировал в своей карьере таких резких перемен и сразу ответить что-то просто не смог.

– А как же наш отдел? – спросил полковника таким тоном, словно надеялся, что Баранов начнет его отговаривать.

– Ты для нас – большая потеря, не скрою, и не боюсь, что зазнаешься. Но дело того стоит.

– Мне надо подумать. Хотя бы несколько дней.

– До вечера, – категорично сказал Станислав Сергеевич. – Вечером я к вам заеду. Сюда. Надеюсь, господин полковник... Простите... Товарищ полковник... ради такого случая и в связи с семейными обстоятельствами освободит вас на сегодня от службы.

– Он освободит, – сказал полковник и сам налил себе вторую рюмку коньяка. На дорожку. После чего встал. – Только протокол по сегодняшнему делу тебе придется дома подписывать. Я сейчас Лысцова пришлю, составите все, подпиши и будь до вечера свободен. Подумай хорошенько, потому что шаг это рискованный, но не каждому такая возможность предоставляется.

Встал и комиссар.

– Я имею право с женой посоветоваться? – спросил Александр.

– Конечно, – комиссар такому вопросу даже удивился. – Очевидно, это мое упущение – не объяснил... Не только имеете. Это необходимое условие, потому что, в случае согласия, вам вместе с ней предстоит полностью переменить свою жизнь. Полностью и кардинально!

---

² Штаб-квартира Интерпола находится во Франции в городе Лион.

³ НЦБ – Национальное центральное бюро Интерпола официально учреждено в октябре 1996 года решением правительства РФ, но действовать начало только с декабря 1999 года.

Но она должна тоже уметь молчать, потому что жены наших сотрудников автоматически становятся такими же сотрудниками. Так сказать, специфика. Бывает, что становятся и вполне официально... И довольно часто принимают участие в боевых операциях. Это серьезно. Жена должна быть готова к такому повороту событий.

– Молчать она умеет. Ее родители только через три года после нашей свадьбы узнали, что я не в армии служу, а в ФСБ. Для них я был просто офицером.

– Теперь, надеюсь, будете просто полицейским, – улыбнулся Костромин. – Впрочем, в России нет полицейских. Даже налоговую полицию у вас разогнали. Тогда лучше оставаться просто офицером, как и прежде. Итак, мы договорились. Посоветуйтесь... При вашей новой работе, если вы согласитесь – я не буду скрывать! – опасность вы будете делить с женой пополам.

– Я объясню это, – кивнул Басаргин.

– А я ближе к вечеру предварительно позвоню. Может быть, мне и приезжать не надо будет. Я понимаю, что каждый человек вправе сам решать свою судьбу. Не так просто броситься с головой в омут, не зная даже, что тебя там может ждать. И не буду вас обвинять, если откажетесь... Но это все-таки рост и перспектива. Поэтому рекомендую хорошенько подумать.

3

В тугаях кабан хрюкает. Злобно, раздраженно, с подвизгом.

Это вообще страшное, если разобраться, дело – встреча с диким и озлобленным на весь мир кабаном-секачом. Кто ходил местными тугаями, знает, что в Тигровой балке⁴ и вокруг нее многочисленные тропы не людьми проложены. Кабаны и олени протоптали корни тугайника, и кустарник отступил вправо и влево. Но отступил он только по земле, на уровне роста животного. Взрослому же человеку по этим тропам ходить неудобно. Приходится пригибаться, потому что поверху ветви отступить не желали и смыкаются, переплетаются, норуют в волосы вцепиться и глаз выколоть.

Абдулло повел головой, прислушался. Голос кабана удалялся. Если на такой тропе с секачом встретиться – убежать невозможно. В стороны через тугайник не проберешься. Кабану там легче не застрять и догнать человека. А просто бежать очень неудобно – не выпрямишься. А стрелять по животному – дело запороть...

Он перебрал тяжелый автомат со спаренными рожками в левую руку и осторожно двинулся дальше. До поляны, где тугаи кончаются и начинается небольшая, в пару десятков деревьев роца тутовника, осталось еще шагов пятьсот. И к каждому звуку следует прислушиваться.

Где-то выпь кричит. Она птица ночная. Или вообще непонятно какая. Днем болото клювом ковыряет, по ночам кричит. А голос визгливый, не птичий. Дрожь по коже от такого крика пробегает. Часто этот крик раздается, когда выпь человека видит. Не идет ли кто?

Пограничников здесь немного, но они злы, потому что на прошлой неделе пытались задержать группу, переходящую Пяндж, и нарвались на сильный встречный огонь. Более того, встречающие группу парни зашли сбоку и тоже открыли огонь. В результате один из пограничников был убит, а двое ранены. И сейчас им лучше не попадаться – будут сразу стрелять на поражение, не вступая в разговоры.

Абдулло прошел эти пятьсот шагов в напряжении. И чем ближе подходил к поляне, тем сильнее возрастало напряжение. Тропа резко повернула. Еще три шага вправо. Тугаи раздвинулись неожиданно с левой стороны. Вот он, выход на поляну. Но выйти Абдулло не спешил, несмотря на то что спина затекла и устала. Долго придется так ходить – горб на спине вырастет.

---

⁴ Тигровая балка – заповедник в Таджикистане, выходит одним боком к пограничной с Афганистаном реке Пяндж.

Он присмотрелся, прислушался. Стоял так минуты три. И только потом сделал осторожный шаг вперед и выпрямился. Но и выпрямляясь, ждал выстрелов. Первая очередь часто бывает спешной и неточной. Следует сразу броситься на землю и перекатиться туда, где его не будет видно. И только тогда дать ответную очередь на вспышку пламени из ствола и снова перекатиться, чтобы на твою вспышку не пришлась следующая очередь, ответная. Так Назар учил и заставлял тренироваться в падении и перекаtywании.

В этот раз снова обошлось. Никто не стрелял. Выждав еще несколько минут, Абдулло смело пошел через поляну к высоким и стройным тутовникам. И увидел, как навстречу ему из-за деревьев вышла знакомая фигура. Они поздоровались уважительно, двумя ладонями.

– Как здоровье, Абдулло?

– Как даст Аллах, Нур. Благополучно ли прошел?

– Все хорошо. Никого не встретил. Но мне надо спешить. Хочу затемно до дома добраться.

Абдулло согласно закивал:

– Я готов. Где товар?

Нур издал какой-то короткий цокающий звук, и из-за деревьев вышли два человека с тяжелыми рюкзаками.

– Сколько принесли?

– Пятьдесят. Как и заказывали.

Абдулло придирчиво посмотрел на рюкзаки за плечами парней Нура.

– Тяжело мне придется... Но мне через реку не идти...

– Сами просили большую партию.

Абдулло снял с плеч свой рюкзак. Парни стали перекладывать в него упаковки порошка. Абдулло считал. Ровно пятьдесят упаковок. Вздохнул от предстоящей нелегкой ноши. Потом достал из кармана пачку долларовых купюр. Стал отсчитывать и передавать в руки Нуру. Пятьдесят штук. Тот пересчитал заново.

– Не чеченские?

– Обижаешь. Мы никогда не обманывали.

– Одна бумажка, помню, попалась.

– Мы же заменили...

– Ладно. Нам пора. Значит, я готовлю партию в два раза больше. Только тогда не приходи один. Сто тебе одному не унести.

Они опять обменялись рукопожатием и разошлись в разные стороны.

Путь Абдулло снова лежал через тугаи. С тяжелым рюкзаком идти согнувшись еще труднее. Но дело того стоит. За эту работу Назар выплатит пятьдесят долларов. Правда, он выплачивает не долларами, а рублими⁵. Но так даже удобнее. Не надо ехать в город и валюту менять.

Через два часа он покинул тугаи и перешел в заросли камыша. Заросли не густые. Но много кочек под ногами. Быстро и здесь не пройдешь. Миновав камыш, Абдулло оказался на задворках кишлака. Осмотревшись на всякий случай, прошел не к себе домой, а сразу ко двору Назара. Калитка в высоком заднем заборе, выходящем на совсем заброшенную дорогу, не заперта. Абдулло толкнул ее. Там, за калиткой, стоит Рахим с автоматом. Дождается. И закрыл калитку на задвижку. Молча помог Абдулло снять рюкзак. Во двор они внесли его вместе.

Там уже стоит грузовая машина с овцами. Назар сам вышел из дома:

– Рахмат, Абдулло. Пограничников слышно не было?

– Аллах милостив...

Назар тут же протянул пачку денег:

---

⁵ В Таджикистане местные деньги называются не «рубль», а «рубл».

– Можешь не считать. Гульбахор сама пересчитывала.

Гульбахор – жена Назара, которая держит на себе все хозяйственные заботы. Она хорошо относится к Абдулло и иногда дает денег в долг, когда детей становится кормить нечем. Сам Назар давать в долг не любит. Всегда жалуется, что у него плохо с деньгами, не хватает на дела.

– Так я пошел? – спросил Абдулло, положив автомат на крыльцо.

– Иди. Здесь мы без тебя справимся.

Хлопнула калитка. Абдулло в начинающемся рассвете поспешил домой. Хотел обрадовать жену. Столько денег в руках она давно уже не держала. В последние два месяца Абдулло трижды ходил встречать «гостей» с той стороны Пянджа. И все три раза проходы были закрыты пограничниками. В четвертый раз повезло. И сразу такой большой груз...

ГЛАВА 2

1

Александр проводил гостей до двери, постоял и дождался, когда они скроются за поворотом лестницы, но дверь, вернувшись в комнату, опять оставил открытой. Должен подняться майор Лысцов. И предстоит заняться неприятной процедурой. Как классифицировать выстрел на опережение? Хорошо, что трупам не выделяют адвокатов. Любой умный и грамотный адвокат сумел бы в такой ситуации возбудить против Александра уголовное дело по обвинению в умышленном убийстве. Любой адвокат задал бы всего несколько вопросов, которые способны повернуть дело с ног на голову. А что, если убитый доставал из кармана пистолет-зажигалку, чтобы прикурить? А что, если убитый был вооружен только газовым или пневматическим оружием и хотел только напугать или даже подшутить? Адекватны ли действия Басаргина реальной угрозе?

Все зависит от того, как подойти к делу. И хорошо, что следователь свой, управленческий. Если бы не позвонил сразу Баранову, приехали бы менты. Ментов капитан не любил и не доверял им. Но и своему следователю – как, какими словами описать *ощущение понимания*, что тебя собираются убить. Только посмотрел в глаза чернявому и понял – это убийца...

Не поддается это никаким формулировкам!

Постояв некоторое время у окна и понаблюдав громадную пробку на улице, но не осознав даже, на что смотрит, Александр сел на диван, где только что сидели полковник с комиссаром. Налил себе еще рюмку и выпил быстро, как водку. Вторая рюмка коньяка помогла, слегка успокоила. Действительно, майор Лысцов сам принимал участие в опасных операциях. И должен понимать это состояние. А выстрел... Выстрел только говорит о высокой готовности. Это же не был выстрел в невооруженного человека. Это был обыкновенный выстрел на опережение. Пусть и зовут его традиционно авторским выстрелом. Разве виноват Александр, что так хорошо стреляет?

Вышла из комнаты Александра.

Муж посмотрел на нее внимательно. В глазах, после недавнего стресса, расслабленность и мягкость, близкие к истерике. Она сейчас вполне в состоянии взять и разрыдаться в голос – подобное уже случалось. Рюмка коньяка для нее – это предел. Александра вообще не пьет.

Она подошла к столу и поставила свою рюмку.

– Налей мне еще.

Он снова посмотрел на нее. И понял, что истерика вот-вот начнется.

– Не надо тебе. Нам с тобой свежую голову иметь сегодня следует.

– Тебе что-то грозит?

– Нет.

– А кто тот человек... убитый?

– Я не знаю. Следствие будет разбираться. По закону я не имею права вести следствие по покушению на себя самого.

– А за что он хотел тебя убить?

– Разве ж я знаю, Саня... Последствия одного из дел, которые я вел. Это иногда случается в нашей работе. Или по какому-то текущему делу я зацепил человека, который и подослал убийцу. Есть и такая возможность. Да это ладно... Сядь рядышком. На душе паршиво... Хоть ты поддержи...

Ему поддержка, в принципе-то, была не нужна. Он сильный мужчина и никогда не нуждался в поддержке со стороны, предпочитая все свои внутренние проблемы скрывать от других

так, что никто ничего не замечал, даже жена. Но он слишком хорошо знал ее. Если ей плохо, она чувствует себя плохо. Если плохо кому-то рядом, тем более близкому человеку, она про свои проблемы забывает и стремится этому человеку помочь. Сейчас ее как раз и следовало отвлекать таким образом.

Она села рядом, положила ему на плечо ладони, а на ладони голову. Вздохнула.

– Бедный ты мой, бедный! Как же тебе сейчас, наверно, тяжело... Еще бы, человека убить... Я бы после такого... Не выдержала бы... А ты у меня молодец. Крепишься...

– Да, тяжело, – согласился Александр, думая совсем о другом, но привычно скрывая свои чувства и мысли.

– А что начальство приходило? И этот, второй, кто такой?

– Комиссар полиции. Из Лиона.

– Комиссар французской полиции? – всплеснула Александра руками. – И что ему от тебя надо?

– Нет. Не французской. Комиссар Интерпола. Есть такая интернациональная полицейская организация – Интерпол. Штаб-квартира у них в Лионе.

– А что ему от тебя надо? Он же к тебе не просто так приходил?

Как хорошо, что есть тема, способная отвлекать ее!

– Нет. Не просто так. Приглашает...

– В гости? – она удивилась.

– На работу.

– На работу?

– Да.

– За границу?

– И за границу тоже. Хотя больше по России придется работать, если соглашусь. И вместе с тобой, он особо предупредил, что у всех их сотрудников жены ходят в помощницах.

Александр знал, что говорил, и пользовался этим. Жена всегда мечтает о путешествиях. Для нее дальние поездки, новые впечатления – это и есть настоящая жизнь. А уж о заграничье она говорит с прищепыванием. И не только о Японии... Хотя никуда так и не съездила по вечному недостатку финансов. А когда разговор заходит о Франции или об Италии, она может наперечет сказать, какие картины каких мастеров стоят в каком музее.

В один из моментов разговора Александр хотел заставить себя остановиться. Не надо раньше времени готовить жену к тому, что еще окончательно не решил для себя сам. Иначе сильнее будет ее разочарование, если он откажется.

– Но я еще не дал согласия... – осторожно предупредил жену.

Она не услышала. В глазах ее стоял мечтательный туман.

* * *

В дверь громко постучали.

– Это Лыцов. Следователь. Мы с ним будем протокол писать. Ты иди в ту комнату, пожалуйста. И музыку включи, чтобы мы не смущались подслушиванием, – он улыбнулся. Она шутку поняла.

Теперь Александру вполне можно отпустить. Ее голова другим занята. И потому музыку сразу включила. Громко. Ту, что готова целый день слушать. «Концерт в Берлине» Владимира Косма.

Сам Басаргин вышел в коридор и встретил майора Лыцова.

– Как ты?

– Проходи, Валера, проходи... Я специально дверь открытой для тебя оставил. Не стесняйся.

Они сели за стол, и Александр налил рюмку майору.

– Я за рулем, – сказал тот и выпил.

– Что это за парень? Документы при нем есть?

– Классический вариант. Чеченец.

– Не сильно на чеченца похож. Разве что чернявый.

– Магомед Алиевич Даутов, – прочитал майор в водительском удостоверении, которое вытащил из папки. – Права получал в Москве. Значит, имеет московскую прописку. Я уже сообщил данные. Скоро найдут. Поедешь на обыск?

– Нет. Меня полковник на сегодня вообще дома оставил. Тут, кстати, сосед сверху приходил. Юра Соснович, фоторепортер. Из триста восемнадцатой, кажется, квартиры. Уже после этого... Видел он твоего Магомеда вчера вечером возле подъезда. С Магомедом был еще один, говорит, маленький, зашуганный. У Юры на компьютере стоит программа-фоторобот. Обещает сделать портрет.

– Отлично. Вчера еще ждал, говоришь? А ты где вчера был?

– У нас вчера операция проводилась. В три ночи только домой вернулся. И потому с пистолетом оказался. Это и спасло. Ладно, давай протокол писать.

2

Оказалось, мыслят они совершенно одинаково. Это только лишний раз подтвердило, что Басаргин прав был в недавних своих опасениях. В некоторых головах, склонных к морализации, сомнения покушение посеет основательные.

– Нет, Саша, такую формулировку в протокол не внесешь... – Майор Лысцов категоричен, и верить ему можно. У него литературный стиль и даже своеобразный талант – когда-то заканчивал филологический факультет МГУ, и формулировками он вертеть умеет здорово. Это все управление знает. Иногда обращаются, если надо повернуть протокольную фразу так, чтобы трудно было придраться и не видно было, что на самом деле сказано. – Первый проходящий мимо прокурор подчеркнет ее красным карандашом. Прямо на ходу... Что такое – «прочитал в глазах»? Глаза, друг мой, не книга... Мы, слава богу, не Стивены Кинги... В сканирование никто не поверит. В том числе и я.

Это он опять формулировками крутит. Он должен знать подобное ощущение.

– Ты сам на допросах видишь, когда подследственный врет, а когда правду говорит?

– Вижу.

– По глазам?

– И по глазам, и по речи, и по жестам...

– А я по глазам, по движениям тела вижу, когда человек готовится к физическим действиям. Не у каждого это увидишь, но если у парня опыта мало или он боится, его почти всегда вычислить можно. Это мой опыт работает так, как твой работает на допросах.

У Лысцова густые рыжие волосы на руках. Очень рыжие, даже красноватые. И этот цвет раздражает Басаргина, особенно когда следак начинает рукой в такт словам дирижировать простенькой шариковой ручкой, словно дирижерской палочкой.

– Я знаю, что можно это и заметить, и понять, знаю... Я понимаю, что у каждого человека собственная сенсорная система, и работает она всегда только так, как свойственно этому человеку, знаю... Но где мне найти скрепку, чтобы приколоть к протоколу твою интуицию? Если бы ты просто его задержал, вопроса бы ни у кого не возникло. Но ты – как ты не понимаешь! – стрелял первым!

– На опережение!

– А где обязательный предупредительный выстрел? А ты кричал: «Бросай оружие, стрелять буду»? Или ты считаешь, что оперу ФСБ это не обязательно?

Басаргин хотел возмутиться, сказать, что меньше вопросов возникло, если бы киллер остался живым, а он сам лежал сейчас на лестнице, но майор остановил его жестом руки:

– Я-то все понимаю. Я даже верю, что и тебе тоже жить иногда хочется, не только мне и не только продавщице из киоска против твоего дома. Но сейчас принесу я прокурору протокол происшествия, а он мне скажет, что ты кого-то убил под плохое настроение и инсценировал покушение. Просто потому убил, что с женой поругался. Ты, случаем, перед этим с женой не ругался?

Александр коротко усмехнулся в сторону:

– Ругался.

– И соседи слышали?

– Нет. Мы не кричим друг на друга. У нас семья взаимно вежливая.

– И то слава богу... Но ты пойми, что протокол написать нам надо так, чтобы никто не сумел придраться, это же не письмо престарелой матушке и не роман какой-нибудь. Ты не ощущаешь, похоже, ситуацию. Тебя, по сути дела, имеют право уже сегодня временно отстранить от работы. До закрытия вопроса. И я по опыту знаю дальнейшую процедуру. Трижды будет повторяться. Я буду дело закрывать, а прокурор отправлять на следствие, чтобы я вместе с тобой формулировки переписал. Я буду закрывать, он опять будет возобновлять. Так в подобных делах всегда бывает. Каждый раз трижды... И все это время ты будешь сидеть где-нибудь в отделе и стараться нос не высунуть, чтобы тебя не заметили. А если заметят, что ты продолжаешь трудиться в отделе, вообще настоят на передаче дела в управление собственной безопасности, где формулировать фразы никто не будет, потому что там своих не любят.

– Спасибо, утешил, – сказал Басаргин зло.

– Утешать тут нечем. Давай сразу так составлять протокол, чтобы меньше скользких моментов было.

Валера налил себе рюмку и быстро опрокинул ее в тонкогубый рот. Забыл, должно быть, за умственными потугами, что он сегодня за рулем.

– Советуй.

– Про глаза – не надо. Глаза ты можешь у девиц рассматривать и описывать их своей жене. Не знаю, что из этого получится, но доброго результата и в этом случае ждать не приходится... Дальше... Про твои мысли о лифте – не надо. Это вызывает ассоциацию. Каждый сломанный лифт нельзя приписывать проискам киллера. Иначе у нас все, кто оружие имеет, в случае поломки лифта начнут стрелять в первого, кто им навстречу в подъезде попадется...

Басаргин устал сопротивляться еще и потому, что сам понимал правоту следака.

– А что надо?

– Начнем с того, что парень странно себя вел.

– Что такое «странно себя вел»?

– Я не знаю, что это такое. Это и есть твое сканирование глаз. Но объяснить это следует иначе. Стандартной и ясной даже дураку фразой. Предположим, он излишне резко попытался отвернуться, и – дальше-больше... У него распахнулась пола пиджака, и ты увидел пистолет.

– Я не увидел его. Я просчитал его местонахождение.

– Ты думаешь, им интересны твои расчеты? Нет, друг дорогой, им нужно как можно короче, яснее и... «ничегонеговоряще»... Мог ты увидеть пистолет?

– При удачном повороте – вполне.

Лысцов прямо, не мигая, посмотрел в глаза:

– Значит, запомни, ты его видел.

Басаргин хмыкнул:

– Я запомнил. Я его видел. Я, между прочим, специально его локтем задел, помогая ему посторониться. Он посторонился так, чтобы пола не распахнулась.

– Нет. Он посторонился как раз так, что пола распахнулась. А локтем ты его нечаянно задел. И вот только тогда ты сопоставил появление человека с пистолетом, остановку лифта, должность, которую ты занимаешь в ФСБ, кавказскую внешность незнакомца...

– Я не выделил кавказских особенностей в его лице... Только то, что чернявый. Но он имел полное право и русским быть, и французом, и итальянцем... Одинаково...

– А я выделил, – настаивал Лыцов.

– Ты выделил, имея на руках водительские права и прочитав его данные.

– Прокурор будет заглядывать именно в документы, а не в лицо трупу. Он на опознание в морг не поедет, будь уверен.

– Пусть так. Кстати, с чего ты взял, что он чеченец? В правах национальность не пишется.

Майор вдруг растерялся. Они оба готовы были рассмеяться над ситуацией. Настолько все, в том числе и офицеры ФСБ, привыкли, что угроза идет от чеченцев, что не представляют в качестве убийц людей другой национальности. Как глупо!

– А кто же он может быть?

– Кабардинец, балкарец, дагестанец, ингуш, татарин... Кто угодно.

– Ты прав, я проверю до оформления протокола. Но – не татарин. Имя не татарское, фамилия – не знаю, а имя точно не татарское. Имя кавказское. Это без сомнения. Итак...

Он налил себе еще рюмку и тут же выпил.

– Итак... – повторил Александр.

– Ты опознал в нем лицо кавказской национальности. Это обязательно, потому что это напрямую связано с твоей работой.

– У меня не только кавказцы по делам проходят. У меня все диаспоры, проживающие в России. У нас отдел, кстати, так и называется – по работе с диаспорами...

– Но с чеченцами проблем у тебя больше всего.

– Нет. Цыгане куда хуже чеченцев. Преступников среди них не меньше, а закрыты от постороннего взгляда они намного сильнее, между собой враждуют редко, а помогают друг другу и покрывают друг друга всегда. Они еще до новой эры обособились от остальных людей. И все это время живут особым обществом в противовес остальным. И работа среди цыган гораздо сложнее. Вчера как раз и проводили по ним операцию.

Лыцов, похоже, где-то рядом увидел дурака. По крайней мере, взгляд его выражал именно это.

– Но цыгана же не могут звать Магомедом...

– Нет, его, скорее, Романом зовут... – улыбнулся Басаргин.

– Значит, про цыган ты не подумал. Не надо съезжать с асфальта на проселок, потому что нам надо ехать вперед. Давай оставим в протоколе только кавказца. Это всегда производит впечатление. Любой прокурор – частица нашего окружающего, нашего общества. Он смотрит каждый день наше дурацкое телевидение. Он запуган, он забит, как простой российский гражданин. И слово «кавказец» воспринимает адекватно.

– Пиши так. Я устал говорить тебе правду. И понимаю, что мне никогда из обыкновенного честного опера не стать изощренным, как ты, следователем. Воображением не дорос...

Лыцов начал быстро работать ручкой, выводя первые строки.

– Вот, – сказал он, показывая. – Теперь у нас создается зримая картина происшествия. Твоя естественная реакция должна быть какой?

– Какой? Я уже не буду говорить, какой должна быть моя настоящая реакция. Я просто интересуюсь твоим видением моей реакции и тем, что приличнее написать в протоколе.

– Естественно, у тебя нет возможности выхватить свой пистолет. У человека на лестнице пистолет ближе, под рукой. Должен ты попытаться выхватить пистолет у человека, рука которого к этому пистолету ближе? Но он же просто пристрелит тебя! Ты разве глуп? Нет, ты сосредоточен и осторожен, как обыкновенный и хорошо подготовленный опер. Такое мнение

о тебе сложилось у начальства, и ты обязан поддерживать его. Дальше... Должен ты завязать рукопашную схватку, не будучи уверенным, что противник не окажется сильнее в единоборстве? Нет, ты же не в группе захвата служишь и не в подразделении «А»⁶. Риск рукопашной схватки слишком велик, результат ее непредсказуем. Он может сбить тебя с ног и подстрелить. Но дело даже не в этом. Ты – профессионал. Какие мысли в первую очередь появляются в голове профессионала?

– Какие? – Басаргин всем лицом показал великий интерес.

– Ты думаешь о последствиях, о завтрашнем дне не только для себя, но и для общества. То есть ты думаешь только о том, что, расправившись с тобой, вооруженный преступник уйдет и продолжит свое черное дело. Понимаешь собственную обеспокоенность ситуацией?

– Понимаю. Ой как я ее понимаю... Только когда мне было это понять... Впрочем, о времени на размышление мы в протоколе писать, думаю, не будем.

Следак пропустил последние слова мимо ушей.

– Значит, ты должен в этом случае попытаться воспользоваться своим оружием. Каким образом? Вы слишком близко друг от друга, а незнакомец еще не должен понять, что его раскусили. Значит, ты сделал по лестнице несколько шагов, не подозревая еще, что человек кавказской внешности, с пистолетом, ждет именно тебя, чтобы убить. Незаметно для него достал пистолет, желая – запомни это твердо, это непереносимое и обязательное! – провести задержание вооруженного незнакомца, и только тогда обернулся. И увидел, что ствол уже наводится на тебя. Тогда ты выстрелил автоматически, не задумываясь. На опережение. Это следствие твоей растерянности, а не твое успешное вычисление киллера. Только так! Понимаешь – растерянность...

– А чем это лучше?

– Поверь мне, в растерянность поверят с большей охотой, потому что любой прокурор на твоём месте растерялся бы. Он считает тебя равным себе, если не считает себя выше. И против такой трактовки особых возражений иметь не будет, хотя для порядка, для поддержания собственного авторитета и строгости нравов среди следаков будет возвращать дело на исследование.

Силы к сопротивлению у Басаргина полностью кончились. Он отчаялся.

– Пиши, как знаешь. Я подпишу.

Майор, убедив оперативника в лучшем знании психологии прокурорских работников, принялся излагать ситуацию в соответствии со своими литературными вкусами.

3

Рассвет поднимался красивый, стремительный и величавый. На востоке, откуда солнце приходит обогревать Таджикистан, высятся горы, с которых, собственно, и начинается «Крыша мира». И золотистый солнечный диск выкатывается из-за далеких вершин стремительно. Это закаты здесь медленные, потому что на западе равнина хотя и высокая, но постоянно понижающаяся и понижающаяся вплоть до узбекской границы. И там солнцу долго скатываться за горизонт. Но рассветные часы всегда красивее закатных, потому что в них больше не ушедшей еще ночной прохлады. И потом рассвет всегда вселяет новую надежду, тогда как закат несбытующую надежду уносит.

Назар вынес из сарая домкрат.

– Давайте его сюда, хозяин.

---

⁶ Подразделение «А» – подразделение антитеррора «Альфа».

Рахим молод и силен. Назар тоже по молодости силой обижен не был, но во время войны две пули вошли в живот, и до сих пор желудок не может переварить их. Боли в желудке преследуют Назара постоянно, и из-за этого он часто бывает зол и ворчлив.

Рахим приладил домкрат и вставил в гнездо монтировку. Стал поднимать кузов, отрывая его от рамы. Овцы, для маскировки загруженные еще вечером, загодя, начали обеспокоенно блеять.

Работа много времени не заняла. Да и высоко поднимать кузов не было очевидной необходимости.

– Давайте, хозяин...

Содержимое рюкзака Абдулло быстро перекочевало в тайник. Заботливой рукой Рахим, всегда склонный к аккуратности, расположил пакеты ровно, по всей поверхности, чтобы не подпрыгивали и не трепыхались в дороге. А то, не дай Аллах, пакет порвется – не расплатишься потом.

Рахим повернул гайку регулировки. Так же, как поднимал, опустил кузов и вставил крепежный болт. Кто догадается, что под ровной, обитой жестью поверхностью кроется тайник?

– Едем, хозяин?

– Сейчас, я в дом схожу.

Он зашел в свой сравнительно небогатый дом, может быть, даже нарочито небогатый, открыл холодильник и достал оттуда бутылочку «Альмагеля»⁷. Сделал три маленьких глотка. И только после этого заглянул в комнату к жене. Гульбахор спала лицом к стене, распустив косы по непрямой подушке мужа. Он не стал будить ее.

Вышел и молча стал открывать ворота, чтобы выпустить машину. Рахим уже сел за руль. Двигатель работает неровно. Плохой бензин в последнее время возят из Узбекистана.

Закрыв за машиной ворота, Назар сел в кабину:

– Поехали, что ли...

– Поехали, хозяин.

Дорога пыльная. Прямой стрелой идет через поле люцерны. Ветерок с рассветом не пришел, и пыль не уносится в сторону и не сразу осаживается на землю. Уже рассвело почти полностью. Рахим видит в зеркало заднего вида за спиной длиннющий пыльный шлейф.

Поле наконец закончилось. У поворота на асфальтированное шоссе стоит старенький милицейский мотоцикл. Рядом милиционер. Помахивает полосатой палочкой.

– Рано Губайдуло поднялся. Не случилось ли чего?

Назар вышел из машины вместе с Рахимом. Пожали руки милиционеру.

– Что везете?

– Не видишь, что ли? Овечек. Говорят, в воинской части мясо закупают.

– Я слышал. Только им уже со всех сторон столько повезли – на три дивизии хватит.

– Может, уговорю... – вздыхает Назар. – Может, еще возьмут...

– Им и хранить-то негде...

– Русские мяса много кушают. Это нам надо – лепешку да гроздь винограда. И сыт. А солдатам мясо каждый день положено.

– Справка от ветеринара есть?

– Как без справки... Обязательно есть справка.

Назар достал из кармана и развернул вчетверо сложенный лист помятой бумаги. Протянул. Милиционер посмотрел равнодушно, не читая, обратил внимание только на подпись и дату. И вздохнул:

– Старая справка-то... В прошлом месяце еще выписана.

---

⁷ «Альмагель» – лекарство от язвы желудка.

– Так я в прошлом месяце еще на базар в Душанбе собирался. Оптовикам хотел сбыть. Да язва выехать не дала. Сейчас вот решил.

– Не примут у тебя овец с этой справкой. Не примут...

Губайдуло вздохнул еще раз.

– Попрошу... Может, уговорю... А ты что так рано поднялся?

– Начальство из области приехало. Бакшиш надо...

Теперь вздохнул Назар. Но достал из кармана сто долларов. Сунул в руку милиционеру.

– Проезжайте.

Они поехали. По шоссе ехать быстрее. И уже не такое большое облако пыли остается за спиной. Через два часа грузовик въехал в поселок и сразу свернул вправо, на грунтовую дорогу. Не доезжая задних ворот военного городка, стоял около бетонного забора груженный «ЗИЛ». Рахим не стал объезжать его, а встал рядом, загородив дорогу тому, кто соберется проехать здесь же. Но дорога эта и так используется редко, а в такие ранние часы не используется совсем.

В «ЗИЛе» открылись сразу обе дверцы. Вышли водитель-прапорщик и майор.

Поздоровались за руку.

– Товарищ майор Пряхин всегда был хорошим человеком, – шутливо сказал Назар. – Он обязательно купит моих овечек.

Овцы в кузове жалобно блеяли. Им дорожной пыли досталось больше, чем людям.

– У меня от одного только запаха баранины изжога начинается, – усмехнулся Пряхин. – Мне бы лучше свинины попостнее, а сало я прапорщику Собченко отдам. Он любитель...

У Назара от таких слов дрожь омерзения по телу пробежала. Он не понимал, как вообще можно есть свинину и при этом считать себя человеком.

Рахим деловито достал домкрат и стал прилаживать его под кузов.

Еще через десять минут вся партия героина перекочевала под сиденья и за спинку в кабине. Там тайник старый и проверенный. Майор тем временем отсчитывал сто стодолларовых купюр.

– Когда будет следующая партия?

– Пограничники, подлецы, все перекрыли. И не знаю даже, – пожал Назар плечами. – Сообщат... Обещают на следующий месяц. Я заказал сразу сто килограммов. Если ты целиком взять не сможешь, я отдам другому. У меня спрашивали... Как, осилишь?

– Я поднатужусь...

– Это как?

– Просто. Поищу деньги.

– Поднатужься.

– А ты сразу мне сообщи. Сигнал тот же.

– Конечно.

– Смотри только, чтобы все нормально было. В прошлом месяце я три раза тебя ждал.

– Да разве ж я виноват. Я же говорю – пограничники...

Назар убрал деньги в карман.

– Сегодня отправляете?

– Вечером поеду, в ночь. Не все еще для самолета загрузили... Да ночью и патрулей на дорогах меньше.

– Патрули тоже денежку любят... С ними надо ладить...

ГЛАВА 3

1

Уже пожали друг другу руки, но за порог Лысцов еще не ступил. Не торопится уходить.

– Держи меня в курсе дела, – попросил Басаргин.

– Обязательно. Каждую новость буду сообщать. Вдруг да выплывет у тебя ассоциация...

И ухватим след заказчика. Я плотно связями этого Даутова займусь. В какой, кстати, редакции твой сосед работает?

– Понятия не имею. Не спросил. Растерялся.

– Ладно. И сам подумай. Не может быть, чтобы ты совсем концов не видел. Есть что-то обязательно, есть... В отместку убивают в двух случаях из ста. В девяноста восьми случаях – принимают превентивные меры. При таком процентном соотношении это реально принимать за рабочую версию. Если версия возникнет, все претензии прокурора отметутся сами собой, и никто к тебе не прицепится. Думай... В семь часов, говоришь, сосед-репортер появится... Я приеду. И к тебе забегу, новостями поделюсь. Пока...

Закрыв дверь за Лысцовым, Александр вернулся в большую комнату, допил коньяк и в сомнении покачал головой: процедура ведения нужного протокола и смешила и злила одновременно.

Получается так: ты спасаешься от киллера, стреляешь, защищая свою жизнь, и автоматически сам становишься подозреваемым... Подозреваемым в чем? В преднамеренном убийстве! И здесь уже мотивы никого интересовать не будут. Как следак сказал?.. Под дурное настроение попался... С женой поругался...

Что может быть несуразнее?!.

С другой стороны, в прокурорском недоверии смысл кроется не просто предполагаемый на всякий случай, а вполне реальный. Сколько известно случаев, когда люди, обладающие оружием на законных основаниях, на поверку оказывались не всегда чистоплотны и готовы были применить его и неоднократно применяли в своих корыстных или иных целях. То, как Басаргин с Лысцовым составляли протокол, тоже есть суть что-то не совсем честное, однако это не приносит никому вреда. Но что стоило Александру инсценировать покушение просто из необходимости кого-то убить? Ничего нет проще: застрелил и вложил в руку пистолет. Свои отпечатки пальцев с него, естественно, предварительно стер. И пистолет при этом, используя служебное положение, не сложно подобрать такой, за которым после баллистической экспертизы обнаружится немало отметин. Тогда и старые дела не грех будет списать на незнакомца в подъезде.

Насколько Александр знал ситуацию, немало сотрудников МВД и даже ФСБ имели за спиной такие грехи, что против них давно пора возбуждать уголовное дело, и не одно...

Но свой же следак, другой Лысцов или даже этот самый, умело составит протокол.

И дела нет...

* * *

Басаргин осторожно открыл дверь в маленькую комнату. Александра слушала все ту же музыку – в мощь и многоголосие оркестра пронзительно врывалась, будоража душу, скрипка и трепетала, до боли щекотала нервы. Одновременно жена делала какие-то наброски угольным карандашом на листе бумаги. Александр постоял минуту, взявшись рукой за косяк и наблюдая за ее работой, потом шагнул вперед. Из-за громкой музыки она не услышала его шагов.

Встав на цыпочки, потому что жена роста была почти одного с мужем, Басаргин заглянул через плечо. С листа на него узнаваемо смотрели глаза комиссара Костромина. Лицо только угадывалось, очерченное несколькими верными штрихами, и было заполнено тенями и полутенями. Где-то за головой Станислава Сергеевича маячил призрак Эйфелевой башни. Именно призрак, потому что это была даже не башня – так, тоже несколько штрихов. Но Костромин угадывался сразу, безоговорочно. Получился, конечно, не он сам, это был только его образ. Но образ, несомненно, его, и ничей иной. А ведь она видела комиссара всего несколько минут, мельком, да еще сама находясь в таком состоянии, что не обращала, казалось, ни на кого внимания.

По правде говоря, Басаргин, когда увидел, открыв дверь в комнату, Александру рисующей, подумал с неприятным холодком в душе, что на листе будет изображен труп с лестничной площадки. В том положении – с согнутыми ногами и черным пулевым отверстием во лбу, со вспенившейся вокруг этого отверстия подгоревшей пузырячатой кровью – как его увидела Александра, когда боком проскальзывала мимо, чтобы подойти к мужу. Сам он еще не отошел от разговора с майором Лыцовым, проворачивая в голове раз за разом картину происшедшего, а к трупам вообще относился равнодушно, даже к трупам, к которым имел непосредственное отношение. Но казалось почему-то, что Александра должна по-прежнему переживать те минуты, что провела на лестнице рядом с мужем. Для нее это такое сильное впечатление, которое может нервно вырваться через руку на бумагу, еще больше раздражая художественное воображение. Художник не может не быть впечатлительным, иначе его картины не будут никого впечатлять, и сам он превратится в очередного халтурщика, в зависимости от степени таланта модного портретиста влиятельных, а то и просто богатых людей или немодного рисовальщика с Арбата. Так сама Александра говорила. Басаргин эту фразу хорошо запомнил.

Но она рисовала Костромина...

Значит, почти обрадованно подумал Александр, другое впечатление оказалось сильнее, и если не вытеснило полностью первое, то хотя бы отодвинуло его на задний план. Что это за впечатление? Это и не впечатление вовсе, это возможность осуществления давних желаний, возможность вырваться в большой мир из тесных оков обыденности. То есть не однажды уже высказанное ею желание. Внутренние эмоции обычно оказываются сильнее эмоций, вызванных наружными событиями. Ее наивные мечты о свободе творческой личности (она забывала, что свободы ото всего не бывает) связались с романтикой поездок куда-то далеко, с романтикой неведомых опасностей, переплелись и смешались в мутный коктейль. Но сейчас совсем не время объяснять Александре, что свобода не может быть безотносительна – точно так же, как ничто другое в большом взаимосвязанном мире. В нынешнем положении ей легче перенести внешние впечатления.

Душевное состояние жены Басаргин понял: так она восприняла сделанное мужу предложение, потому что и не могла принять его иначе, не зная в принципе, что за работу ему предлагают, и не задумываясь о смысле этой работы. Должно быть, она думала, что это будет продолжением его сегодняшней деятельности. Конечно, в какой-то мере это правда. Но лишь – в какой-то, очень ограниченной мере, потому что антитеррорист должен быть не менее закрытым, чем сам террорист, а работа у него сложнее.

Однако он и сам не знал еще, что это за работа. Мог только догадываться, основываясь на слухах, которые, вопреки обыкновению всех слухов легко расползаться, неохотно покидали пределы кабинетов управления антитеррора ФСБ. Но здесь свое, местное. А там...

Интерпол... Сектор антитерроризма... И при этом высокая засекреченность работы. По крайней мере, именно так показалось Басаргину, когда он слушал намеки комиссара. Полностью переменить свою жизнь! Александра еще не понимает этого. И никто не скажет ей, сможет ли она оставаться художником, заниматься своим любимым делом, или для творчества у нее не будет условий.

Что ждет впереди его?..

Что ждет впереди ее?

Что ждет впереди их?..

Александра почувствовала присутствие мужа за спиной. Оглянулась с короткой полуулыбкой и продолжила набросок.

– Как думаешь, смогу я зарабатывать на Монмартре? – спросила почти весело, довольная результатом.

Вот оно, это впечатление!

Творческое воображение разыгралось во всю силу. Она уже представляет себя в Париже, она уже своя среди уличных художников. Она уже пьет кофе в «Ротонде»⁸...

– Похож... – сказал Басаргин. – Не лицо, а что-то изнутри...

– Ты правильно уловил. Значит, учитывая, что ты в нашем ремесле не смыслишь, я вправе сделать вывод – получилось удачно. Я и делала портрет изнутри, сама того не понимая. Ты верное слово подобрал. Я делала его, как чувствовала...

Александр удивленно пожал плечами:

– Ты же его почти не видела.

– Я глаза увидела. Почувствовала глаза. Остальное и не важно... Остальное просто приложилось...

– Ладно, делай... – сказал он и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

* * *

Беспокойство не ушло. Оно и не могло уйти так быстро, потому что дело не завершено. Если приходил один киллер, вероятно, ждать прихода следующего и так далее.

Капитан решил посмотреть, что делается в подъезде. Уехала ли бригада?

Он выглянул, без скрипа открыв дверь, и, не закрывая ее, спустился на два этажа. Эксперты уехали. Труп увезли. Но слышались голоса где-то внизу и где-то наверху. Должно быть, идет полным ходом опрос соседей. Александр спустился еще на один пролет лестницы. Вот место, где лежал Магомед Даутов. Даже крови на бетоне нет. Пуля вошла в лоб, но не вышла через затылок. Это значит, что вошла под прямым углом и застряла в голове. И вообще ничто не напоминает о происшедшем. Словно ничего и не было.

Басаргин вернулся в квартиру. Музыка все еще неслась из маленькой комнаты. Александра не выходила, завершая рисунок. Она всегда так – если увлечена, может и день и ночь работать, пока не сделает все или не дойдет до какого-то этапа. Это не сильно нравилось мужу, которому иногда приходилось замещать ее в часы вдохновения на кухне. И совсем не нравилось в последнее время, когда у Александры появилась мастерская. Там она могла до полуночи просидеть за работой. Но сейчас он был рад. Это лучше, чем заикливаться на трупе в подъезде.

Он посмотрел на часы. Время приближалось к одиннадцати. Хорошо бы все-таки съездить в управление и получить «боевые». Очередь в кассу большой быть не может. И... И – стоит заглянуть на несколько минут к полковнику Баранову. Поинтересоваться его мнением относительно предложения Костромина. Хорошо зная полковника, в отдел к которому когда-то пришел служить лейтенантом после окончания Высшей школы, капитан Басаргин вполне мог предположить, что при разговоре «тет-а-тет» совет Сергея Ивановича может оказаться

---

⁸ Кафе «Ротонда» – парижское небольшое кафе, где когда-то собирались импрессионисты, позже, считая кафе чуть не святым местом, там стали собираться за чашкой кофе представители парижской богемы. Завсегдатаями кафе были в свое время Шаляпин, Бунин, Пикассо, Хемингуэй и другие знаменитости.

совсем не таким, каким был в присутствии комиссара Интерпола. Могут некоторые подробности будущей работы всплыть, которые окажутся не по душе Александру.

Он опять открыл дверь в маленькую комнату.

– Я бы, пожалуй, получил сегодня деньги... Схожу. Ты как?

– Я в мастерскую. Ты только не трать ничего. Когда на новую работу переходишь, траты всегда будут... Подожди, вместе выйдем. Я боюсь того места...

– Лифт уже работает.

– Подожди, я быстро.

Собирается она в самом деле быстро. Редко тщательно красится перед зеркалом. Наверное, и без того с художеством завязана прочно, чтобы еще и лицо себе разрисовывать. Как помнил Басаргин, подруги Александры, коллеги и совладелицы мастерской, за своей внешностью следят точно так же...

Александра только переоделась и уже была готова к выходу. Закрыли дверь, удивились подъездной тишине, которая показалась гнетущей – не слышно даже оперов, опрашивающих соседей, и вызвали лифт. Когда Басаргин нажимал на кнопку, сердце учащенно забилося. Именно с этого, именно с нажатия кнопки и мыслей, пришедших после того, как лампочка внутри кнопки не загорелась, и начались события сегодняшнего утра.

Сейчас кнопка загорелась сразу. Заскрипели где-то вверху, протягиваясь через блоки, канаты. Зашумел двигатель. Особенно сильно его бывает слышно ночью, когда кто-то из соседей возвращается поздно. Иногда этот звук даже будит, и долго потом не удается заснуть.

Неудобства цивилизации... Техногенный фон...

2

Старенький «Москвич», к которому уже проблематично найти необходимые запчасти, постоянно стоит во дворе. Нормальные угонщики на такую технику внимания не обращают, и тратить деньги на платную стоянку необязательно. Это единственное преимущество «Москвича» перед всяким другим возможным транспортом. Говорят, даже троллейбусы в депо разграбливают. Воруют цветные металлы. Но на такой «Москвич» никто не позарится. Машина уже основательно изношена, и Басаргин обычно старался не ездить на ней на работу, если не было насущной необходимости мотаться по городу. Сейчас, однако, предпочел собственный транспорт общественному.

Он отвез Александру до дома, где в полуподвале размещалась мастерская.

– Саня, – сказал на прощание, – о предложении Костромина пока забудь. Никому ни слова. Это очень серьезное дело. Ни подругам, никому...

– Мог бы и не предупреждать, – она вздернула нос.

– Болтовней можешь все сорвать, если...

И продолжительная пауза.

– Что «если»?

– Если я еще соглашусь.

– Куда же ты денешься! – чуть ли не весело сказала Александра. – Какие сомнения могут быть, господин капитан... Не может быть никаких сомнений!

– Мне срок на раздумья дали до вечера. Вечером Станислав Сергеевич придет за ответом.

– Что же ты сразу не сказал? Я бы никуда не поехала.

Вот что такое творческая работа. Большое преимущество – возможность ходить в мастерскую, когда вздумается. Иногда, особенно по утрам, когда вставать не очень хотелось, Басаргин даже завидовал жене.

– Главное, допоздна не задерживайся.

– Я после обеда приеду. Или ты из управления за мной заезжай. Коньяк купим и торт к чаю.

– Я заеду, – пообещал он и захлопнул дверцу изнутри. Снаружи эта дверца не закрывалась.

* * *

Утренний час пик уже прошел. Дороги более-менее проходимы для транспорта. И через сорок минут Басаргин уже поставил «Москвич» на стоянку около управления. Среди сияющих и блестящих лаком машин центра Москвы его развалюха смотрелась индейским вигвамом среди небоскребов Уолл-стрита. Усмехнувшись этим грустным мыслям, капитан прошел к своему подъезду. Дежурный при виде его встал и вышел из своего «аквариума».

– Привет, Басаргин, – протянул руку, здороваясь. – Ты, говорят, опять отличился?

– Вынудили.

– Авторский выстрел?

– Авторский выстрел.

– Сколько ты лбов за свою жизнь прострелил?

– Не считал. Но ты следующий на очереди...

Он поморщился бестактности этого бодрячка-майора, сложную эвенкийскую фамилию которого всегда забывал. Майор сам происходил из семьи охотников и всегда хвастал своим умением стрелять. Но повторить результаты Басаргина ни на одних стрельбах ему не удавалось.

Капитан быстро прошел в сторону финансовой части. Касса уже открылась. В очереди стояло пять человек. Все знакомы только в лицо. Хоть здесь повезло, не будет разговоров об утреннем происшествии. Потом подошли еще сразу трое. Эти поздоровались за руку. Тоже за «боевыми» – вместе были в командировке в Чечне. Но они не так информированы, как дежурный, и потому ничего еще не слышали об очередном авторском выстреле Басаргина.

Разговор шел только о том, чтобы смотаться из управления на пару часиков раньше окончания рабочего дня и обмыть «боевые». Александр отрицательно покачал головой.

– Я за рулем, это – во-первых, – сказал, не думая, что от него может еще пахнуть утренним коньяком. – И у меня сегодня много дел накопилось, это во-вторых. И я сегодня вне управления работаю, это в-третьих. Никак, ребята, не могу...

В управлении, вообще-то, не принято просто вот так пить. Даже по праздникам здесь стараются проявить сдержанность. Но вернувшиеся из Чечни сотрудники там приобрели особые привычки. Там выпивка – дело не просто обыденное, но почти обязательное. Там – иной мир и иные отношения к жизни, смерти и к службе тоже. Там даже не «стучат» друг на друга при чрезвычайных обстоятельствах, чтобы себя выгородить. Больше того, отношения там складываются так, что можно охарактеризовать их только одним понятием – «общежитие», когда все на виду у всех.

Посмеялись и сообща сделали экспертное заключение, что Александру суждено пожалеть об отказе.

Получив деньги, Басаргин сразу поднялся к себе на этаж. И, не заходя к себе, постучал в кабинет полковника Баранова.

– Войдите, – донеслось из-за двери.

Баранов оказался один. Читал материалы какого-то дела и при появлении капитана снял очки.

– Что дома не сидится?

– Забежал «боевые» получить... И... консультацию у вас.

– По поводу?

– По поводу утреннего разговора, Сергей Иванович. Что посоветуете?

– Ничего не посоветую, – ответил Сергей Иванович даже сердито. – Мне отпускать тебя – жалко. Не отпускать – тебя жалко. Видишь разницу?

– Вижу.

– Это большой рост и большие перспективы в росте. Интересная работа. Куда как интереснее нашей. С твоими-то способностями к аналитике... Ты можешь далеко пойти и стать звездой мирового уровня. А вообще, это дело стоящее. Я бы и сам согласился, только мне не предлагают.

– Ясно, товарищ полковник. А я надеялся, что вы меня отговаривать будете...

– Надеялся он... – ворчливо усмехнулся Баранов. – Санька как? Оклемалась?

– Нормально. Я клин – клином... Рассказал о предложении комиссара. Сразу успокоилась и стала размышлять: сможет ли она зарабатывать себе на жизнь уличным художником на Монмартре. Отвез ее пока в мастерскую, чтобы дома одну не оставлять. На обратном пути заеду. Пожелания будут?

– согласишься?

– Соглашусь.

– Ну и ладно... Тогда иди. Думаю, оформление еще затянется. Потому не прощаюсь. Завтра с утра на службу жду.

Капитан вышел. Его кабинет располагался в том же крыле, только в другом конце коридора. Он пересек коридор как можно быстрее, чтобы никто не вышел и не остановил с разговором о прошедшем утре. Подполковник Елкин, сосед по кабинету, участник вчерашней операции, еще, должно быть, отсыпался. Александр снял печать, открыл дверь своим ключом, вошел и осмотрелся. Сообщив Баранову, что решил дать согласие комиссару Костромину, Басаргин уже почувствовал себя в этом кабинете чужим.

Странное, как сам осознал, чувство. Вот на вешалке еще висит его куртка, в которой пришел в конце весны на работу, а днем установилась страшная жара, и потому решил оставить куртку здесь. С тех пор и висит. На подоконнике стоит желтый, странной формы электрический чайник, который принес из дома, потому что на день рождения жене старая, случайно нагрывавшая в Москву подруга подарила новый. Вот стоит сейф, состоящий из двух отсеков. В верхнем отсеке хранятся папки с делами, исписанными почерком Басаргина, а в нижнем отсеке всякая ерунда из личного арсенала ерунды – три различные кобуры, нож-мачете, привезенный из Чечни, нунчаки, купленные по случаю, какие-то групповые фотографии и даже кусок камня от постаменты под памятником Дзержинскому, который стоял неподалеку на площади. И еще что-то подобное, положенное в нижний отсек еще много лет назад и благополучно забытое.

Неужели это все уже не его?

Нет, это все его, но это все необходимо будет унести или выбросить, в зависимости от надобности. А дела придется передавать другим сотрудникам. Ум понимал естественность процесса, но ностальгические нотки больно щипали сердце.

Чужой кабинет...

Он все же сел за свой стол, включил компьютер, вошел в базы данных и открыл раздел «Антитеррор». Экран с интервалом в пару секунд замигал левой половиной окна – с синего на красное и обратно. Предупреждение, что для полного доступа следует набрать пароль. Пароль Басаргин не знал, официально запрашивать разрешение тоже не захотел, потому что решил никому пока не говорить о новом повороте своей судьбы, а если Костромин прикажет, то вообще не говорить о новом месте работы. Это все организационные вопросы, которые еще предстоит решить. И потому он вошел в систему с ограниченным доступом. Здесь была только история антитеррористических операций, но без подробностей, которые могли бы пригодиться в дальнейшем. Расстроившись, что не сумел набрать дополнительную информацию, Басаргин выключил компьютер. Впрочем, вскоре он догадался, что расстраиваться ему нет смысла. Если его приглашают на работу в такую солидную организацию, то наверняка не сразу «бросят» в

дело, чтобы грудью прикрывать амбразуру, а предварительно будут чему-то обучать. Или, по крайней мере, откроют доступ к файлам, которые дадут информации больше, нежели есть в базе данных ФСБ.

У Интерпола база данных со всего мира...

* * *

Перед уходом Александр открыл верхний отсек сейфа, собираясь положить туда пистолет, подумал и только забрал комплект для чистки оружия, чтобы воспользоваться комплектом дома. Оружие он любил содержать в порядке и всегда испытывал какое-то удовольствие от ухода за ним...

3

Душанбинский аэропорт ночью прохладный и приятный.

Особенно хорошо это чувствуется после дневной жары. И еще здесь по ночам безумолчно поют то ли сверчки, то ли цикады, то ли еще какие-то насекомые и квакают в арыках лягушки. Днем этих звуков почти не слышно. Разве что лягушки голос подают. Но у них период такой – свадьбы... А что за свадьба без песни, пусть даже и без гармошки...

Здание туалета для пассажиров находится не в самом аэровокзале, а справа от него, среди густых кустов. Грязная бетонная коробка с надписями на таджикском языке по стене. Паленой резиной писали. Что там написано, подполковник Воронов не понимает. Он вообще не только читать, он разговаривать по-таджикски не умеет, хотя уже третий год регулярно летает в Душанбе по два раза в месяц.

Подполковник прошел мимо туалета по асфальтированной дорожке, попыхивая сигаретой. Со стороны посмотреть, просто русский офицер прогуливается. Дальше эта дорожка ведет к месту высадки пассажиров, месту выдачи багажа, а если мимо металлических ограждений пройти, то выйдешь на стоянку для транспорта. Оттуда, со стороны стоянки, навстречу подполковнику двигался еще один офицер. Встретились они около ограждения из гнутых труб и сетки-рабицы. Молча пожали руки. Посмотреть, встретились два старых товарища. Остановились поболтать о жизни и о службе.

– Привезли?

– Как обещано, товарищ подполковник. Я же еще ни разу вас не подводил.

– Подводил. В прошлом месяце.

– Тогда не я подвел, а меня. Пограничники, заразы, лютовали. Ладно хоть сейчас поутихли.

– Где?

– В кабине. Сейчас водитель в мешок перекладывает.

– Кто водитель? Надежный?

– Я только с одним человеком работаю. Прапорщик Собченко. Помните его?

– Он же тупой, как валенок.

– Зато хитрый, как настоящий хохол. Мне иногда кажется, что все машины, которые у нас в ремонте числятся, он уже давно продал, а деньги на сало потратил. Вы пропуск заказали?

– Конечно.

– Будем заезжать.

– Не забудьте мешок опечатать. Сопроводительные документы в порядке?

– Накладная на технику и сопроводительное письмо на фельдкурьерский груз, упакованный в мешок и опечатанный. Мешок сдается под роспись сопровождающему.

– Я к таможенникам заглядывал. Там сегодня какой-то незнакомый вертится.

– Тоже таможенник?

– Тоже. Но я его первый раз вижу.

– Приняли, наверное, нового. Если таможенник, не беспокойтесь. Они все одинаковые во всех странах. Кроме разве что Канады.

– Почему именно Канады?

– В Канаде и в США законы дурацкие. Там запрещено продукты питания ввозить. Прапорщик Собченко в прошлом году отправился в Канаду навестить родственников. И повез им соленое сало. И все на таможне отобрали. Прапорщик обиделся. Говорит, если бы хоть съели... А то ведь выбросили в грязный ящик. А он сам солил, старался. По собственному рецепту.

Подполковник взглянул на часы:

– Пора.

– Какая стоянка?

– Пятая. Да сегодня только один самолет и грузится. Там где-то еще пассажирский на Москву стоит. Утром летит. Техники возятся, готовят.

Майор кивнул и вернулся на стоянку, где прапорщик Собченко уже переложил героин в стандартный армейский мешок для перевозки почты – с дырочками для шнуровки и с бляшкой для печати, через которую шнуровка пропускается. Сам мешок уже на глазах у майора перебрал в кузов, где стояли подготовленные для отправки ящики с подлежащей ремонту негабаритной техникой.

Раньше переключать в мешок было нельзя. Машину всегда может остановить на дороге военный патруль. Если на технику документы в порядке, то сопроводительное письмо фельд-курьерской почты сделано самостоятельно на компьютере. Форма произвольная. Такие письма проходят только у местных таможенников, которые не знакомы с документацией Российской армии. Но раз с печатью, то сомнений быть не может. Печатам принято доверять.

Машина заурчала сильным двигателем, выбралась со стоянки, приняла правее и подъехала к воротам. Сигнал у «ЗИЛа» густой, басистый. Слона разбудит. Разбудил и дежурного, который на слона никак не походил. Из будки вышел молодой парнишка в галошах на босу ногу. Остановился под лампочкой. Посмотрел на номер, провел пальцем по листу бумаги, после этого открыл ключом замок и поднял шлагбаум.

Машина вырулила на стоянку, где приготовился к погрузке старенький военно-транспортный «Ан-12». Сама погрузка много времени не заняла. Заметно косящий одним глазом таможенник сверял наличие груза со списком.

– Порядок? – спросил у него подполковник.

– Как сказать... – таможенник уклончиво отвел один глаз в сторону самолета. Второй при этом разглядывал офицера.

Подполковник порядок знал и нарушать его не собирался. И потому достал из кармана сто баксов и сунул в протянутую руку. После этого забрался в кабину «ЗИЛа», вытеснив оттуда прапорщика Собченко. Прапорщику всегда нравилось пинать колеса машины, и он занялся этим делом с удовольствием.

Подполковник отсчитал сто двадцать пять ста долларовых купюр. Майор тщательно пересчитал их.

– Через месяц будет партия в два раза больше.

– Надо будет скидку сделать. Опт есть опт!

– Здесь скидок не бывает. Спрос слишком большой.

Подполковник долго не думал.

– Возьму.

– Ни пуха... – пожелал удачного полета майор, решив важный для себя вопрос.

ГЛАВА 4

1

Пришла в голову необходимая мысль.

И, выйдя из управления, Басаргин не сразу отправился за женой, а предварительно заглянул в книжный магазин, где после консультации у продавца купил аудиокурсы обучения английскому и французскому языкам. Английским он относительно владел, мог поддержать разговор на простейшем бытовом уровне, но не более того. И даже читал весьма плохо, гораздо хуже, чем говорил. Французским владел на уровне красивых или пошловатых крылатых фраз, что, естественно, совершенно недостаточно для сотрудника организации, имеющей штаб-квартиру во Франции. Пусть и не сразу, но туда, вероятно, съездить придется. И даже не однажды. А почему, собственно говоря, не сразу? От кого-то Басаргин слышал, что в Лионе есть даже свой закрытый коллеж, где обучают по ускоренному курсу своих сотрудников. Впрочем, его приглашают не для учебы, а для работы. А вообще – неизвестно, что и как будет, поэтому не надо строить планы на будущее, когда оно настолько туманно.

Должно быть, сегодня вечером уже многое станет известно. Если комиссар Костромин найдет нужным сообщить что-то, он сообщит. Он не может не сообщить, потому что каждый человек должен знать, на что соглашается. Работать куда-то идут для выполнения определенных действий, а не ради красивого и солидного названия организации.

Сообщит хотя бы заработную плату – усмехнулся капитан необходимому минимуму информации.

Время приближалось к обеду, и движение на московских улицах не сильно, но возросло, хотя о пробках говорить было еще рано. Но даже при таком движении «Москвич» уже не смотрелся таким архаичным, потому что все двигались одинаково медленно, с небольшими остановками, и обгоняли его не часто. В современном громадном городе, когда проезжаешь перекресток за два или три переключения светофора, считается, что пробок нет.

Уже на подъезде к кварталу Александр позвонил в мастерскую и попросил жену выйти на улицу, чтобы ему не вертеться и не заезжать во двор. Она села в машину, довольная, почти счастливая, и Басаргин порадовался: значит, не вспоминала о стрельбе и трупке, занятая своими мечтами. Мечтать Александра умеет даже больше и дольше, чем это надо. Потому, наверное, и пошла в художницы, где для ее богатого воображения есть собственный выход энергии. Иначе могла бы стать просто классической лентяйкой и неустроенным человеком, неудачником, что сплошь и рядом, как известно, случается с мечтательными людьми.

– К Сергею Ивановичу заходил? – спросила Александра.

Она понимала, что муж еще раздумывает, решившись согласиться только процентов на восемьдесят. И мнение человека, имеющего у мужа авторитет, могло существенно повлиять на конечный результат раздумий.

Но тут же она увидела на передней панели две коробки с аудиокурсами иностранных языков, взяла их в руки, рассмотрела, все поняла и опять заулыбалась. Ее мечта начала сбываться.

– Заходил и к Сергею Ивановичу, – глядя на дорогу, ответил Басаргин.

– Он, естественно, сказал, что ни в коем случае не отпустит такого ценного сотрудника, – она начала уже играть, зная результат, можно себе и игру позволить, и легкие подкалывания словами.

– Сергей Иванович сказал красивую фразу, которую записать не грех. Отпускать меня – жалко, а не отпускать – жалко меня. Ты, как художница, не оценишь таких тонкостей языка,

а вот наш следователь майор Лыцов, который сегодня приезжал по вызову, оценил бы это по достоинству. Он вечером заглянет. Я обязательно продиктую ему...

Басаргин так невинно слегка хвастался. Он иногда позволял себе похвастаться перед женой, сам зная, что говорит только правду. Сотрудник он был в самом деле ценный, и ценили его совсем не за умение стрелять точно в лоб. Умение стрелять ценится в различных спецназах. Александр в спецназе никогда не служил и не имел к этому склонности, хотя во время командировки в Чечню смешалась работа оперативников и спецназовцев. Там стрелять приходилось несколько раз, и коллеги оценили его авторский выстрел по достоинству. А в управлении его ценили за более тонкую и более нужную для оперативника вещь – за способность к анализу. Он умел из великого множества сваленных в кучу фактов выбрать только несколько необходимых, и выстроить из них версию, и предположить дальнейший ход событий. Сейчас он тоже готовился выстраивать версию. Но будет это только вечером, когда майор Лыцов принесет ему факты, которые удалось накопать по покушению. Несколько странная ситуация. Обычно опера копают, ищут факты, а следователь строит версию и делает выводы. Здесь случилось все наоборот, но отнюдь не стараниями самого Басаргина.

Александра поскущнула. В глазах, как утром, появился болезненный туман. Зря он упомянул имя Лыцова и напомнил ей про покушение.

– Саня, а ты-то сама решилась? – спросил он ее, отвлекая Александру от скорбных дум.

– На что мне решаться? – она возвращалась к недавней радости и легкости с трудом.

– Я тебе разве не говорил? Совсем Басаргин памяти лишился. Стареет... – в третьем лице невинно унизил он себя. – Наш комиссар поинтересовался твоим умением молчать. Я это гарантировал. И после этого он сообщил, что жены большинства сотрудников являются внештатными помощниками мужей. А некоторые в конце концов становятся даже штатными. Ты готова быть моей полноценной помощницей и боевой подругой? Решилась?

Она коротко и слегка грустно улыбнулась.

– Решилась. Только, надеюсь, мне не придется стрелять кому-то в лоб.

Он оценил слова, сказанные недобрым голосом, как упрек себе сегодняшнему, а не как надежду на будущее.

– Я тоже на это надеюсь. Особенно если тебе не придется стрелять в меня.

– В тебя я умышленно промахнусь. Из семейных соображений. Кормильца следует беречь! Как ты сумел так попасть – прямо в лоб?

Он чуть не проговорился и не сказал, что всегда так получается почти нечаянно. Еле-еле успел остановить язык. И потому только пожал плечами.

– Ты меня стрелять научишь?

– Вот это уже вопрос пусть и внештатного, пусть даже будущего внештатного сотрудника Интерпола... А вообще, я должен тебе сказать серьезно. Работа у меня будет очень интересная и опасная. То есть у нас будет работа интересная и опасная. И стрелять я буду просто вынужден тебя научить, потому что ты становишься моей напарницей. Знаешь, что это такое?

Она посмотрела на него косо, не понимая, всерьез говорит муж или опять болтает, чтобы отвлечь ее от дурных мыслей. И пришла к выводу, что говорит он серьезно. Но тут же сама себе удивилась. Она не испугалась предстоящих трудностей и даже опасностей. Экзотику она представила себе раньше. А теперь к экзотике прибавилась еще и романтика.

Басаргин словно бы читал ее мысли.

– Только ты не думай, что здесь сплошная романтика. Это кропотливая и часто неблагодарная работа. И на трупы смотреть придется чаще, чем ты хочешь. И на многое другое еще смотреть. И многое вообще будет отталкивать, отвращать, и придется учиться свое отвращение преодолевать.

Он не пугал. Он в самом деле начал наставлять ее, как свою будущую напарницу. Жену-напарницу. Хотя сам еще не знал специфики своей новой работы. Но разговор такой

несомненно нужен. Многого может не быть... Может быть, ему придется все время работать одному... Но ведь может и быть, но ведь может случиться, что ему потребуется помощь Александры. И она должна быть готовой к такому.

Уже во дворе, когда Басаргин разворачивался, чтобы поставить машину на привычное место в тень погуще, зазвонил сотовый телефон.

– Капитан Басаргин, слушаю.

– Шура, это Лысцов. У тебя дома телефон не отвечает, я уже у самого Баранова номер «сотовика» нашел. Мне срочно нужен твой репортер. Как его найти?

– Я не знаю, в какой он газете работает. Вижу только один выход. Посадить кого-то в библиотеку, чтобы смотрел газеты. Пусть ищет снимки с подписью «Ю. Соснович».

– Точно в газете? Не в журнале?

– Я не знаю. Но я как-то видел у него в руках черно-белые фотографии. Из пакета от фотобумаги торчали. В журналах сейчас пользуются цветными снимками или даже чаще слайдами и цифровой фотографией. Черно-белые – это привилегия газет. К тому же в журналах фотографы не бегают каждый день, как скаковые лошади, по городу. Там работа спокойнее. Там художники снимают, а не репортеры. Мне кажется, надо искать в газетах.

– Хорошо. Я позвоню знакомой библиотекарше. Спасибо.

– Новости есть?

– Кое-что назревает. Вечером расскажу.

Александр убрал трубку, когда Александра уже вышла из машины и отошла шагов на пять, но не в сторону дома, а по тропинке через двор к дому соседнему, где весь первый этаж занимал магазин.

– Куда ты собралась?

– Надо торт купить и коньяк. Вы сегодня весь уничтожили.

– Не надо, – распорядился Басаргин абсолютно капитанским голосом. – Встреча будет чисто деловая. Не создавай из меня пьяницу...

– Но хоть стол какой-то накрыть надо.

– Деловая встреча, а не застолье. Это только в американских дурацких фильмах во время деловой встречи пьют спиртное. В действительности даже старые пьяницы-французы не потребляют что-то крепче минералки.

– Так я минералки и куплю... – она все же пошла в магазин.

– Мы будем говорить, а ты уйдешь в другую комнату и будешь слушать музыку...

Она не расслышала или старательно сделала вид, что не слышит его слов.

Новые мечты жены выплывают в ее голове под грифом «007» – понял Александр...

2

Комиссар Костромин позвонил около пяти часов вечера, когда Александра только вышла из ванной комнаты с головой, обмотанной полотенцем, и со вторым, большим полотенцем, обмотанным вокруг тела, и нечаянно оказалась возле телефона, хотя видела уже, как нетерпеливо ходит по квартире Александр, выглядывая в коридор, где у них стоит аппарат. Звонка ждал. Но трубку взяла она, хотя муж уже шел ей навстречу.

– Да, это я. Да-да... Станислав Сергеевич – я правильно запомнила имя и отчество? Он ждет вас. Будете с ним говорить? Через какое время? Хорошо. Мы ждем.

И она, разочаровав Александра, положила трубку.

– А он галантен, как настоящий француз... – сказала. – Жалко, что у него отчество такое.

– Чем тебе не понравилось его отчество?

– Ударение не на последнюю гласную. Не как у французов.

– Быстро тебя с японцев на французов потянуло, – усмехнулся Александр. – Что он сказал?

– Будет через полчаса. Хорошо, если он еще и пунктуален, как немец, тогда я успею привести себя в порядок.

С этой стороны Александр всегда гордился Александрой. В мужских разговорах нередко приходилось слышать, как жалуются: когда встречаются гости или сами идут в театр или в гости, полтора-два часа нужно жене, чтобы привести себя в порядок. Александре хватает получаса. И это даже с запасом.

Она собрала вещи и опять закрылась в ванной, что-то вытворяя со своей головой.

– Ты очень-то не старайся, – предупредил он. – Я же говорил – это деловая встреча. Ты уйдешь слушать музыку, а мы будем разговаривать.

Она не ответила, а он опять заходил по комнате. Теперь уже быстрее, и сам не совсем еще понимая, почему происходит с ним такое, отчего пришло волнение.

«Деловая встреча... Деловая встреча...» – что-то заставляло повторять и повторять эту простую фразу до тех пор, пока он не понял, что ассоциативные формы человеческого мышления вывели его от раздумий о комиссаре Костромине к другим ассоциациям, и он вспомнил... Вчера, во время операции против подпольной швейной фабрики, которую организовали цыгане в подвале жилого дома, не удалось задержать Романа, организатора предприятия, хотя именно в это время он заезжал ненадолго на место. Это подтверждено результатами двух дней наблюдений. У Романа, как оказалось, проходила деловая встреча с партнерами, а где она проходила, никто, разумеется, не поспешил сообщить оперативникам. Тем более никто не уточнил, почему деловая встреча проходит так поздно.

Фабрика производила «фирменные» куртки, кофточки, майки, которыми завалены некоторые вещевые рынки. В качестве рабочей силы использовали вьетнамских рабов. Самых настоящих рабов, которые за работу получали только скудную еду и были жестоко избиваемы за любое нарушение, из помещения на свежий воздух не выпускались в течение продолжительного времени. В рабов были превращены три десятка нелегальных эмигрантов, приехавших в Россию на заработки. С нелегальными эмигрантами это случается часто. И даже не только с азиатами из дальних стран, но и с гражданами стран СНГ. Их не оформляют на работу, чтобы не платить налоги. Им платят наличкой. Но платят ничтожно мало.

Роман... Роман... – теперь в голове застряло это имя. Про Романа удалось узнать не слишком много. В подвале он появлялся редко и, как правило, без расписания. Совпадение в появлении в течение двух дней – случайность, и вписать ее в систему нельзя. Приезжает забирать товар, привозит материалы. Конечно, другие цыгане, задержанные вчера, Романа знают отлично. Но не бывает таких цыган, которые расскажут следственным органам что-то о своих делах или своих людях, соплеменниках. Много говорят, громко и возмущенно. Но ничего конкретного, что смогло бы пролить свет и помочь отыскать организатора-рабовладельца.

Роман... Роман... Деловая встреча...

Где искать Романа и как его искать?

Сейчас дознаватели управления, наверное, интенсивно допрашивают восьмерых задержанных цыган. Может быть, уже и не просто задержанных, а арестованных, потому что подполковник Елкин и капитан Басаргин, раскручивавшие это дело, хотели инкриминировать банде, которая называла себя «просто компанией друзей», похищение людей и насильственное удержание их в неволе. То есть один из пунктов статьи о терроризме.

Тяжелая статья...

И легонькие, измученные безостановочной работой и полуголодным существованием вьетнамские мужчины и женщины... И даже несколько детей... Шестерых вчера же, сразу с места, отправили в больницу. Предельно истощены. Есть подозрения, что дважды из подвала вывозили трупы. Вьетнамцев тоже сегодня допрашивают. Все выяснится...

Александр не звонил подполковнику Елкину. Словно бы отстраняясь от дел управления, когда намечаются другие дела. Но мысли все равно возвращаются туда. Сами по себе...

Роман... Роман... Где его искать?

Подпольная фабрика не имела собственного склада. За несколько месяцев существования произведено продукции на значительную, должно быть, сумму. Эту сумму подсчитают эксперты-экономисты после допросов вьетнамцев. Реализация продукции не может быть растянута более чем на год, – молодежная мода всегда была старой и ветреной шлюхой. Очень неустойчивый характер.

Роман... Роман... Где его искать?

Сами цыгане на вещевых рынках редко торгуют. Такая торговля, когда следует сидеть на месте и ждать покупателя, им просто неинтересна. Она не в их характере. Кроме того, сферы влияния среди продавцов давно и жестко разграничены. Прилавки занимают те же самые вьетнамцы, китайцы и азербайджанцы с таджиками. Но азербайджанцы и таджики в последнее время предпочитают нанимать русских, а сами только доставляют товар. Они заняты и другим – они контролируют... То есть занимаются, помимо прочего, рэкетом. На одних и тех же рынках таджиков и азеров практически не встретишь. Между собой воют.

Роман... Роман... Где его искать?

Роман сбывал товар азерам, зарабатывал сам и давал неплохо заработать им.

Роман дружил с азерами, если такие партнерские отношения можно назвать дружбой.

Азеры...

Мысль возникла в голове сама по себе. Ясно встала, и ее можно было уже рассмотреть, как картинку. Так всегда случалось с Басаргиным. Он, перебрав в голове и «переварив» известные факты, связывал их воедино и расставлял в нужной последовательности. И тогда картинка возникала.

Александр подошел к телефону и набрал номер подполковника Елкина. Телефон не ответил. На всякий случай – вдруг у Елкина что-то с аппаратом – набрал и свой рабочий номер. Протянуть руку и взять трубку с соседнего стола подполковнику не трудно, даже если учесть его солидный объем. Опять долгие длинные гудки. Тогда, помедлив с минуту, еще раз проверяя мысленно воспринятое изображение, набрал номер майора Лысцова.

– Майор Лысцов. Слушаю.

– Это Басаргин. Валера, вопрос, что называется, на засыпку – мой друг Магомед Даутов случаем не азербайджанец?

– Каким-то случаем – именно азербайджанец. Как ты узнал?

– Вычислил. Как и его дело вычислил по глазам. Тогда срочно зайди сейчас к подполковнику Елкину, он, вероятно, где-то на допросах сидит – я не могу ему дозвониться, и предупреди, что на него тоже возможно покушение. И еще скажи, что, по моему мнению, должно быть где-то еще несколько таких же, как вчера, подпольных фабрик с рабами вместо наемной рабочей силы. Обязательно должно быть, и я предполагаю, что несколько. Иначе не было смысла в меня стрелять.

– Объясни. Ничего не понимаю.

– Это необъяснимо. Просто – я просчитал... Или почувствовал... Как тебе удобнее думать... Но тебе могу дать деловой совет. Ты побывал у фоторепортера?

– Побывал. В редакции его нашел. Газета «Новый век».

– Сделал он портрет, как обещал?

– Сделал. Молодец, парень.

– Сейчас распечатай портрет и пошли с распечатками несколько человек к дому Елкина. Этот тип обязательно должен быть там. Ждет подполковника. Пусть пробегутся по подъезду. Может, кто-то еще видел этого парня. Если даже самого не найдете, но там его кто-то видел – все встанет на свои места, и тогда я знаю, кто заказчик.

– Ну, Шурик, ты даешь...

– Действуй!

Он только положил трубку, когда из ванной комнаты вышла Александра. Уже одетая, причесанная и слегка, но со вкусом накрашенная. Басаргин всегда удивлялся ее умению из ничего сделать привлекательность. Старое темно-вишневое платье, которое давно уже не носила, украсила по плечу гранатовым колье, что подарила ей когда-то мать. И, перебравшись с шеи на плечо, колье сделало платье оригинальной театральной реликвией, с некоторой претензией на знакомство с цыганкой Кармен...

И здесь цыгане...

– На твой вкус я выгляжу не слишком отвратительной? – поинтересовалась она.

Он смотрел на нее с удовольствием.

– На престарелого комиссара ты произведешь впечатление.

– У меня другая задача. Произвести впечатление на мужа. Тогда он будет себя увереннее чувствовать и произведет впечатление на комиссара, – она откровенно подольстила, чтобы муж не прогонял ее в другую комнату, когда будет вестись самый интересный разговор.

– Резонно, – засмеялся Басаргин и поцеловал Александру.

В дверь позвонили.

– А вот и комиссар... – посмотрев в дверной глазок, сказал Александр.

– Мог бы чуть-чуть и опоздать... – негромко прокомментировала она, блестя глазами...

3

В полете сильно болтало. Старый самолет давно отлетал свое, и перед каждым очередным рейсом клятвенно обещал развалиться в воздухе. Однако бортинженер в это не верил и убеждал пилотов, что они непременно вернутся домой вместе с ним.

Подполковник Воронов к полетам давно и устойчиво привык – служба заставляла по командировкам мотаться, самолеты повидал разные, хотя на новых, не дребезжащих ему летать не приходилось, болтанку считал неудобством, но не более. И потому благополучно проспал ночь и проснулся только во время посадки на военном аэродроме в Жуковском.

– Никак долетели! – торжественно сообщил он самому себе, потому что другие два пассажира – солдат с перевязанной рукой и офицер неизвестного звания в гражданской одежде и с намертво загипсованной челюстью – его услышать не могли не только потому, что сидели совсем не рядом, но еще и из-за шума в военно-транспортном самолете.

На военном аэродроме не было таможенников, и некому было давать многодолларовую купюру, что, впрочем, Воронова совсем не расстроило, потому что аппетиты таможенников растут по мере приближения к столице, это он знал хорошо. А уж в самой столице они напоминают обжорство и беспредел. Подполковник дожидался машину, не отходя от «Ан-12», поскольку груз числился на его балансе. Два пассажира ушли, попрощавшись с Ворониным так, словно были его старыми друзьями. И только тогда подполковник достал «сотовик» и позвонил.

– Здравствуйте. Мне Али нужен. Срочно. Скажите, что Ворона прилетела.

Ждать пришлось около минуты.

– Здравствуй, Али, здравствуй, мой хороший. Ворона прилетела и кое-что принесла для тебя в клюве, – игриво сюсюкал подполковник, словно говорил с ребенком. Себя он называл Вороной. Сам такую кличку придумал, исходя из своей фамилии, не зная, что ворон и ворона совершенно разные птицы. – Пятьдесят. Нет. Никаких авансов. Сразу. Если не можешь, я могу отправить Султану. Он возьмет сразу. Давно и постоянно просит поставки через него вести. Хорошо. В гараже. Как всегда... В то же время. И будь готов. Скоро будет в два раза больше.

Решай, возьмешь все или мне договариваться с Султаном? Да. Конечно. Тем же путем, который тебе знать не положено...

Оптовик не знал, кто такой подполковник и как он доставляет афганский героин в Москву. Но героин всегда был отличного качества, и его это устраивало. Воронов придумал себе кличку, изменил манеру разговора специально для того, чтобы его не вычислили. Сами чечены, которым он продавал товар, считали его «голубым» и относились с естественным презрением. Но дело всегда есть дело, и сексуальная ориентация партнера их не смущала. Подполковник же тихо посмеивался и считал деньги.

Если чечены попадутся, они расскажут о «голубом» поставщике. Передадут манеру речи. Такую речь подделать легко. Но настоящий «голубой» уже не сможет переучиться на нормальную речь. И следствие будет искать «голубого», а уж никак не подполковника Воронова.

Пришла машина. Опечатанный мешок подполковник перенес в кабину. Солдаты стали загружать в кузов ящики. Дело это не слишком долгое, но старая поговорка «солдат спит, а служба идет» вполне может относиться и к солдатской работе. Не торопились молодые ребята растратить силы. Пришлось на них прикрикнуть. Наконец-то загрузили.

Дорога до части заняла чуть больше часа. Там ящики с техникой стали выгружать в мастерские, подполковник отдал накладную старшему лейтенанту, а сам перетащил мешок в свой старенький «жигуленок». После разгрузки заглянул в мастерскую.

– Все в порядке? – спросил у старшего лейтенанта.

– Все в порядке, товарищ подполковник, – старший лейтенант нехорошо улыбнулся, – я проверил. А вы что, мешок урюка себе привезли?

Значит, старлей видел, как он перегружает мешок.

– Чернослив и кураги немного. И грецкие орехи. Очищенные. Дары солнечного юга... Там они дешевые. У меня жена все это на мясорубке перемальвает и с медом мешает. Очень витаминная смесь получается. Рекомендую. Особенно когда кто-то болеет. Тебе это необходимо.

– Мне?

– С похмелья тоже помогает...

От старлея шел устойчивый душок.

– Я поехал отсыпаться. Технику сразу в перечень включи, чтобы не залежалась. Через месяц необходимо вернуть отремонтированную. Завтра проверю.

Он выехал из военного городка и с дороги позвонил по «сотовику» товарищу.

– Миша, будь готов. Гараж освободи. Сегодня. Выставь с двух сторон посты. Да, как обычно, на машинах. И Пашу предупреди сам. Пусть тоже подготовится.

Торг по традиции проходил в гараже товарища. Сам этот товарищ и еще один – мужики крепкие и всегда могут сойти за надежную профессиональную охрану. Но Миша и другую охрану обеспечивает. Он тоже подполковник, только ментовский. И выставляет на двух выездах из гаражного кооператива милицейские патрульные машины. Не беда, что это всего-то вневедомственная охрана. Главное, что из окон стволы автоматов видно. Прикрытие хорошее. Али знает, что менты «крышуют» Ворону. Такая «крыша» вызывает уважение.

Сами подполковники приезжают традиционно в камуфляже. В момент передачи в гараже не должно быть машины. Если чечены засыпятся, они гараж следствию покажут. Миша в этом случае скажет, что сдает гараж незнакомому человеку. По объявлению сошлись. Менты менту поверят безоговорочно. И пусть этого человека ищут. По договоренности Миша опишет «голубого». С каждого мероприятия Миша получает пятьдесят тысяч баксов. Паша – пять. Паше приходится просто молча стоять. Для статиста это хороший заработок. Но Паша необходим, как хороший стрелок. По сути дела, он один – настоящая охрана, которая в курсе дела. Те менты в машинах – не знают, что здесь происходит. Им и не положено знать – рылом не вышли. Хотя подполковник Миша им за охрану что-то «бросает».

Дело сделано. И пусть Али подсуется. А то и вправду придется искать выходы на Султана...

Отсыпаться подполковник Воронов поехал не домой, а к любовнице, которой купил квартиру и которую содержал уже второй год. Там, на ее квартире, у Воронова и комплект различной одежды на все случаи жизни, и сейф в стене, где хранятся не только деньги, но и оружие для самого подполковника и его друзей. Не брать же с собой на такое дело табельное...

ГЛАВА 5

1

– Необходимость создания нашего сектора до сих пор считается спорным вопросом. И разногласия существуют даже в самом исполнительном комитете, не говоря уже о генеральной ассамблее, где мнений, конечно же, больше, и все они разные. Однако мы набрали необходимые две трети голосов поддержки, и, таким образом, вопрос считается решенным...

Они уже попили чай втроем. Александра, уловив взгляд мужа, послушно ушла в маленькую комнату, где поставила все тот же диск с музыкой Владимира Косма. Хорошая музыка не помешала разговору мужчин и даже придала ему какой-то колорит.

– Я тоже, говоря честно, не совсем понимаю, зачем одной организации два отдельных подразделения, занятых одной и той же работой, – сказал Александр. – Дублируя действия, невозможно не мешать друг другу, а если учитывать такой серьезный и непредсказуемый фактор, как человеческий, где обязательно проявляются ведомственные и групповые интересы, симпатии и тому подобное, то можно предвидеть и другие неприятности.

– Да, – кивнул комиссар. – Многие тоже не видели необходимости создавать какую-то отдельную структуру вне подотдела по борьбе с терроризмом и возражали именно поэтому. Президент вместе с директором сумели настоять на своем, и сектор все же был создан отделенным. А необходимость такого действия я сейчас объясню чуть подробнее.

Он уселся, как и утром, на диване, с некоторой западной раскованностью положил раскинутые руки на мягкую спинку. Александр придвинул для себя кресло к столику, чтобы находиться напротив и видеть собеседника. Сидеть сбоку во время серьезной беседы неудобно, хотя во время чаепития они сидели рядом.

– Любое большое подразделение становится со временем неуклюжим и малоэффективным за счет несогласованности управленческого аппарата. Это естественный процесс. Кстати, характерный и болезненный для России. Здесь в каждом министерстве столько чиновников... И каждый стремится как-то себя показать, чтобы не прослыть дармоедом... А ума на всех не хватает... Так произошло и с подотделом по борьбе с терроризмом. Чем больше вопросов и направлений возникало, чем больше дел находилось в производстве, тем острее чувствовалась необходимость привлечения новых сотрудников. И их привлекали. Но суть даже не в неуклюжести управления большим аппаратом. Суть в том, что тайна одного человека остается тайной, но, поделенная на троих, она таковой частично перестает быть, даже при молчании всей троицы. Что же говорить, когда тайна тиражируется на многих сотрудников? Люди среди них есть всякие... Из многих стран... И у каждого в своей стране связи, привязанности, собственная вера, политические симпатии и антипатии, национальные традиции, родственные, в конце концов, отношения...

– Утечка информации?..

– Вы меня правильно поняли. Это – что касается необходимости отдельной деятельности сектора. Мы не хотим, чтобы о нашей работе знали в подотделе. А теперь о самой необходимости нашего создания. При организации мы опирались на последние данные социологических психологов. На нас работали самые крупные величины из разных стран. И выводы о росте терроризма они дали однозначные, независимо друг от друга. Выводы эти такие, что порой ставят в тупик работу подотдела, который давно уже выработал собственную концепцию и едва ли перестроится, подлаживаясь под новые веяния. Подотдел стал тяжелым грузовиком, и время его обгоняет. Хотя, конечно, его работа тоже необходима. Само понятие терроризма слишком широко, чтобы его можно было рассматривать однозначно.

– И что за выводы? – напомнил Александр тему, от которой Костромин вроде бы начал уходить.

– Специалисты выделили три неразрывных понятия, три составляющие современного терроризма. Вы знаете, что это такое?

– Могу только предположить.

– Да, мне интересно было бы послушать, как вы видите проблему, над которой достаточно долго бились крупнейшие специалисты в различных областях науки об обществе.

Костромин внимательно посмотрел прямо в глаза Басаргину, словно пожелал проверить в деле рекомендации, данные капитану руководством.

– Наличие воли и неудовлетворенные желания власти определенным лицом или группой лиц. На мой взгляд, это первая и основополагающая составляющая. Разве не так, господин комиссар?

Костромин хмыкнул.

– Так, товарищ капитан, хотя это несколько из иной, как говорят в России, оперы.

– Вы говорите, словно вы уже и не из России родом.

– Восемнадцать лет... За это время привыкнешь чувствовать себя гражданином мира. У меня паспорт ООН. Я – гражданин мира. И в Россию приезжал за это время только дважды. Для проведения определенных мероприятий. Но продолжайте. Вы вывели первую константу, и она безусловна. Хотя носит узкий психологический характер. Как вы ее разовьете? На конкретных примерах...

– Для России самый типичный пример – чеченский терроризм. Желание безусловной власти, в том числе и экономической, неудовлетворенные амбиции чеченских лидеров, невозможность достичь желаемого никаким путем, даже вооруженным – все это привело к стремлению обрести власть иную. Власть, если так можно выразиться, над человеческим страхом. Вызвать страх, даже панику, и заработать себе на этом авторитет, стать пугалом – вот цель терроризма. То, что говорят о мести, – это ерунда. Мечь может иметь психологически только узкий характер и конкретную цель и не имеет ничего общего с самим понятием терроризма. Если кто-то желает отомстить, то его просто используют организаторы терактов. Как использовали бы рабочую скотину для хозяйственных нужд. Террористы-смертники ничем, на мой взгляд, от такой скотины не отличаются, хотя им кажется, что они страдают за идею. Невозможно страдать за чужую идею... За чужую жажду власти... За чужую жажду наживы... Психологическая обработка людей в настоящее время имеет возможность встать на промышленные рельсы. И из любого можно сделать камикадзе с помощью наркотиков и одновременного внушения.

– А как вы впишете в эту теорию терроризм политических организаций?

– Если брать опять же российский пример, то давайте вспомним Октябрьскую революцию. Эсеры не поделили власть с большевиками. И устраивали теракты. Опять неудовлетворенные амбиции и борьба за власть. Большевики тогда ловко воспользовались моментом и решили ответить «красным террором». Но уничтожали они не только эсеров, а всю русскую интеллигенцию, которая могла в силу своей развитости противопоставить идеям большевизма нравственный авторитет.

– Пусть так. А национальные движения?

– Тот же чеченский вариант. Почему баски устраивают взрывы в городах Испании, почему ирландцы взрывают англичан, почему палестинцы взрывают израильтян? Лидеры и басков, и ирландцев, и палестинцев желают собственной власти, получить которую у них возможности нет. Значит, следует создать панику, в надежде, что придавленный страхом народ повлияет на своих лидеров и заставит их уступить.

Костромин на минуту задумался.

– В принципе, все, что вы излагаете, верно. Но это – концепция нашего старого и проверенного подотдела по борьбе с терроризмом, которая не учитывает новых времен и подстраиваемости терроризма под методы борьбы с ним. То есть его способности к выживанию.

– Существует еще и государственный терроризм... – добавил Басаргин.

– А это вы как видите?

– Это то, что делали американцы вместе с Западной Европой в Югославии. Когда Югославия попыталась силовыми методами бороться с албанским сепаратизмом...

– Это несколько другая тема. И мы во многом можем не сойтись во мнении, но давайте не будем отклоняться от сегодняшней беседы. Я сказал, что ваше видение такого явления, как терроризм, совпадает с концепцией основного нашего подразделения. Но мы попытались взглянуть на вопрос шире и совместить в работе сектора три аспекта, осмысление которых может дать положительный результат.

Он помолчал, ожидая вопроса Александра. Но Александр слушал и ждал продолжения.

– Эти три составляющие явления таковы: терроризм как первооснова, финансирование терроризма и человеческий базис, на котором терроризм основывается. Вот специалисты и сделали вывод, что основой финансирования терроризма является наркоторговля – самый на сегодняшний день прибыльный вид нелегального бизнеса. Именно по этой причине возглавить новый сектор поручено мне, как человеку, долгое время работавшему конкретно по этому профилю и знающему положение вещей. А человеческий базис в настоящее время составляют чаще всего определенные диаспоры, существующие в разных странах, и различного рода агрессивные религиозные движения. В России это в основном чеченская диаспора, в США – диаспоры представителей различных арабских стран, во Франции – алжирская, в Израиле – палестинская, в Великобритании – ирландская и так далее. Именно по этой причине мы привлекаем к работе вас как специалиста по диаспорам. Что касается религиозных движений, то это в первую очередь и везде – исламский фундаментализм и во многом ирландский воинственный католицизм, сюда же можно приплюсовать и отдельные виды воинствующего сектанства типа Аум-Сенрике, явления, которое еще не оценили по достоинству, и напрасно.

– С такими выкладками трудно спорить, – согласился Александр.

– И не нужно спорить. Эти выкладки пришли на смену первоначальным, сформированным на принципах политического терроризма начала двадцатого века. Тогда терроризм считался революционным оружием, хотя склонность к нему, по мнению психиатров, всегда дает гарантию психопатических наклонностей. Хотя, по моему личному мнению, любой человек, настойчиво стремящийся к власти, уже имеет психопатологические наклонности. Власть как цель – это из сферы ненормального. Домашние тираны становятся тиранами государственными. Мы с этим слишком часто сталкиваемся в истории. Но, возвращаясь к нашей теме, я хотел бы уточнить задачи, которые поставлены перед новым сектором. В первую очередь это пресечение попыток финансирования терроризма и отсечение террористических организаций от влияния на диаспоры. В этом случае, по подсчетам специалистов, мы сможем сократить само количество терактов в мировом масштабе больше чем вдвое. Но для эффективной деятельности нам просто необходимы строго засекреченные региональные организации. Такие, о существовании которых не будут знать даже, скажем, в МВД. Я сейчас приехал в Россию из Палестины, где занимался организацией отделения. И совершенно нечаянно обнаружил, что там достаточно благодатная почва для работы. Теперь нам предстоит заняться созданием отделения здесь. Вас рекомендовали на должность руководителя российского подсектора с правами резидента.

* * *

Естественно, что Басаргин интересовался будущей работой больше, чем принципами, руководствуясь которыми исполнительный комитет Интерпола создал сектор. Точно так же, как его мало интересовали перипетии организации ВЧК-ОГПУ-КГБ–ФСБ и прочих аббревиатур. Он только работал там, выполняя определенные обязанности. И лишь сейчас в глазах Александра появился более живой интерес, пришедший на смену спокойствию размышления.

– Мне предстоит решать организационные вопросы или начинать работу по конкретным делам?

– Ситуация складывается так, что вам придется делать это одновременно. Причем начать работу по конкретным мероприятиям необходимо уже тогда, когда сам аппарат еще не создан. Честно говоря, это не совсем обычная ситуация. Обычно мы приглашаем сотрудников для годового или двухгодичного обучения. Все зависит от степени их первоначальной подготовки. И только после этого выпускаем в регионы. Но сейчас есть определенная работа, которую требуется выполнить срочно. Это будет вашей «пробой пера». Вам предстоит самостоятельно разработать и провести операцию, опираясь на наши данные.

– То есть я должен начать работать в одиночестве?

– Работать и одновременно подбирать себе помощников. Не слишком много. Чем компактнее будет подсектор, тем, я думаю, эффективнее. Причем я предполагаю, что при формировании отдела вам придется подбирать себе в подчинение людей и более высокого офицерского звания, чем у вас, более авторитетных. Вас это смущать не должно. Мы не меняем руководство только потому, что пришли иные люди. Если иные люди более способны, чем старые, они получают новую работу.

– Какую структуру должен иметь подсектор?

– Информационно-аналитическое отделение, следственное отделение и силовое отделение. Естественно, секретариат. Следственное отделение вы будете формировать сами. На должность руководителя боевого отделения я могу порекомендовать вам человека, который имеет значительный опыт работы. Настоятельно порекомендовать... Более того, я уже с этим человеком имел разговор, и он сворачивает свои дела, чтобы присоединиться к вам в Москве. Вероятно, вы его знаете, скорее всего по слухам. Когда-то он служил в вашем ведомстве. Майор Тобако из «Альфы».

– Да, я слышал о нем. Старая гвардия. Легенда... Из тех, кто штурмовал дворец Амина в Кабуле. Чем он сейчас занимается?

– Солидный мафиозный бизнесмен в Потти. Замешан в наркоторговле и в торговле оружием. Следственные органы Грузии пытались «повесить» на него убийство наркобарона из того же города – Одноглазого Мамуки, но ничего не получилось. У Тобако адвокаты мирового уровня.

– Но?... – не понял Александр и поднял вопросительно брови.

Костромин улыбнулся.

– Он сейчас резидент Интерпола в Закавказье. Контролирует незаконный оборот наркотиков. Но недавно проходила большая операция, в результате которой на Тобако выплыли какие-то данные у поставщиков. Мы не смогли определить источник утечки информации. Даже не знаем – от нас или из России информация прошла. Короче, его безопасность требует переезда в другой регион. Мы подумали, что он может оказаться вам весьма полезным на первых порах. А потом – посмотрим. Если ситуация позволит, Тобако вернется в Потти, а вы подыщете ему замену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.